

Александр Александрович Тамоников
Грозовые ворота
Серия «Грозовые ворота», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147476
Александр Тамоников. Грозовые ворота: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-15171-0

Аннотация

Чечня, один из самых драматических эпизодов военной кампании. Роту старшего лейтенанта Доронина высаживают на маленьком пятачке, зажатом с двух сторон неприступными скалами. Бойцам поставлена, в общем, несложная задача: блокировать ущелье и перекрыть возможный выход мелких бандгрупп. Воины надеются, что ничего серьезного не случится. У кого-то остались считанные дни до дембеля, кто-то собирается в отпуск, кто-то ждет письма от любимой. Но из ущелья на позиции роты выдвинулась тысячная группировка Теймураза Костолома! Бой превратился в жестокую бойню. Российские солдаты, несмотря на десятикратный перевес в численности бандитов, остались верны Присяге и до последнего вздоха держали оборону...

Основанный на реальных событиях, роман шокирует правдивостью и жестокостью изложения и оставляет в душе не только боль утраты, но и чувство преклонения перед стойкостью российских воинов.

Александр Тамоников

Грозовые ворота

Все мы смертные, кроме вечно живых.
Григорий Стернин

ПРОЛОГ

...И вдруг наступила тишина. Едкий пороховой дым стелился плотным, темным туманом над искореженной высотой. Легкий весенний ветер не мог справиться с дымовой завесой, смешанной с отвратительным запахом СМЕРТИ. Только вершины гор, ставшие случайными свидетелями жесточайшей битвы, гордо возвышались над местом боя, недостижимые ни для темно-серого смрада, ни для человеческого страдания. Они покрылись ярким весенним нарядом и красовались между собой на фоне чистейшего, безоблачного неба. Им, как и тем, кто развязал это безумие, было совершенно безразлично то, что произошло там, внизу, на уровне, куда интересы их не распространяются. По обоим склонам в самых неестественных позах лежало множество людей, вернее, то, что от них осталось после массированного артобстрела. В одной из воронок, наполовину присыпанный землей, с открытыми, полными навечно застывшей боли глазами, нашел свое последнее укрытие командир роты. Рядом – на расстоянии протянутой руки – догорал обезображенный до неузнаваемости труп капитана-десантника. И чуть поодаль – почти весь личный состав. Погибший, но не сдавший своих позиций, выполнивший до конца Воинский Долг. А метрах в десяти, не далее, – уничтоженный враг. Смерть смела все, что разделяло их в жизни, – идеологию и вероисповедание, национальность и возраст. Смерть в одно мгновение уравнила всех. И сейчас они лежали, с одинаково искаженными от боли и ненависти мертвыми лицами, с оружием в руках, в непосредственной близости друг от друга. Русский и белорус, чеченец и араб. Солдат Отчизны и платный наемник. Они уже не были врагами. Все они стали жертвами одной войны, одной политической схватки, цель которой – власть. А дым горящих камней, земли и человеческих тел постепенно поднимался ввысь, туда, к неприступным и равнодушным вершинам, унося с собой души погибших. Поднимался, чтобы там, надо всем живым, раствориться в чистом небе, в котором уже стали собираться стервятники, чутко уловившие запах обильно пролитой крови. Они парили, кровожадно всматриваясь вниз, где на безымянной высоте у Косых Ворот в неравном бою погибло сводное подразделение. Рота специального назначения!

* * *

Костя проснулся рано, на часах не было и шести утра. Открыв припухшие от обильного ночного возлияния глаза, нащупал рукой возле софы бутылку пива – неперменный атрибут его похмельного пробуждения. Сделав несколько судорожных глотков, откинулся на подушку.

Сейчас должна отпустить тошнота, исчезнуть сухость во рту и ослабеть боль, раскалывающая череп пополам.

Он лежал и ждал облегчения. По мере того как похмелье неохотно отступало, к Косте возвращалась способность соображать.

Возникал вопрос, постоянный в такие мгновения, – что было вчера?

В редких случаях по утрам Костя более-менее помнил, что происходило на финальной стадии предыдущей пьянки. По большей части события бурной ночи память не хранила. Наверняка опять чего-нибудь «учудили» напоследок, после безумных, до предела извращенных оргий с девицами на дискотеке «У Паши».

Черт! Как же плохо. Водки бы, граммов сто.

– Мам! – крикнул Костя. – Мам!

Его крик был услышан, в комнату вошла мать.

– Проснулся, чудо?

– Проснулся. Знаешь, как мне плохо?

– Представляю.

– Налей, мам, грамм сто пятьдесят?

– Прямо в постель подать?

– Все равно.

– Тебе все равно. А мне – нет. Поднимайся, там, в холодильнике, есть немного коньяка, но прежде ответь, когда прекратится весь этот бардак?

– Мам, дай прийти в себя. Потом поговорим. Отчим, наверное, на кухне?

– Да, завтракает.

– Опять мораль начнет читать.

– А ты как хотел? Папа занимает высокий пост, я тоже, слава богу, не кухарка, а сын – не пойми что. Ты думаешь, о твоём поведении у нас на службе никому ничего не известно?

– Можно подумать, отчиму в его мэрии за меня мозги чистят.

– А ты думаешь, нет?

– Ладно, пошел я, мочи нет.

Костя, не одеваясь, в плавках, прошел на кухню.

Отчим доедал свою яичницу.

– Привет, – буркнул Костя.

– Здравствуй, здравствуй. Что это ты, не умывшись, не одевшись, и сразу в холодильник?

– Похмелиться хочу. – Костя не считал нужным скрывать свои намерения.

Он достал початую бутылку «Арарата», не наливая в рюмку, опрокинул содержимое в себя из горла.

– Фу, – поморщился отчим, – как так можно?

– Молча, папа, молча. Ты денег случаем не подбросишь?

– Деньги, между прочим, с неба не падают.

– У вас, в мэрии, падают. И не только с неба.

– Эх, Костя, Костя! – Отчим явно не хотел портить себе настроение. – Не пойму я тебя. Имеешь практически все. Не зависим ни от кого. Когда за ум возьмешься?

– Возьмусь, пап. – Костя достал из салатницы дольку помидора, бросил в рот. – Вот погуляю с годик, а потом все – очки на фейс и за учебники. И никаких пьянок. Учеба, учеба и еще раз учеба. Клянусь. Клянусь крутыми кроссовками, которые, кстати, ты обещал мне.

– Как ты хорошо помнишь, что обещают тебе, а вот своих обязательств исполнять не торопишься.

– Всеу свое время, пап. И не надо только про свою «совковую» юность плакаться. Наслышан. Так дашь денег? Хоть сотню?

– Спрашивай у матери, она бюджет ведет.

– А ты из внебюджетных? Вон из рубашки так и выпирают! Поделись с больным сыном!

– Больным? Да на таких больных... ладно, пошел я. – Отчим встал, бросая на стол пятидесятирублевую купюру. – Хватит и полтинника.

После этого, поправив галстук, вышел.

– Козел, – произнес Костя вслед, – сам каждый день тысячами таскает, а сотню зажал. Ну и черт с ним. Мамуля подкинет еще. Деньги будут.

Костя присел за стол, закурил «Парламент» отчима. Курить он начал в десятом классе. Сразу и при всех. «Предки» поохали-поохали, смирились.

Курил Костя и думал: что же было ночью? Чем все кончилось? Бухать они начали у Паши с утра. Потом потусовались у Эдика. Затем к Валере завалили. У того родители уже второй год за бугром пашут, ежемесячно зеленые шлют на бабу. По-моему, как раз баксы и поступили, иначе чего они тогда в обменнике меняли? Точно, вспомнил – триста баксов.

Потом разъехались. Эдик с Валерой в институты свои, отметить. Он же, Костя, вернулся домой. Домработница Зина заканчивала уборку, и он завалился спать. Пока удастся проследить ход событий.

Разбудил его тот же Эдик, и они ломанулись к «Паше».

Начали с пива, потом – как всегда. Тогда-то и девочки подкатили. Это он помнил. А вот что было дальше? Какая-то бабеч. Базар с ней. Вместе вроде не пили. Вернее, он один пил. Улица. Дождь. Потом... а вот потом все покрыто, как говорится, мраком. Переспал с ней? Или нет? И что же было дальше?

Костя напрягал извилины, но ничего путного вспомнить не мог.

На кухню вошла мать.

– Ты так и будешь в трусах сидеть?

– А чего? Я – дома.

– Но и дома надо соблюдать приличия. Я хоть и мать, но, в первую очередь, – женщина. Имей такт.

– Ладно. Сейчас оденусь. Слушай, мам, мне двести рублей надо.

– Что так мало? Мог бы и больше запросить.

– Дай больше, но я вчера занял двести у пацана одного – отдать надо.

– Иди оденься, поговорим серьезно.

– Но деньги дашь? А то неудобно получится.

– Ну сколько тебе одно и то же говорить? Приведи себя в порядок.

– Иду.

Костя зашел в ванную комнату, поплескался теплой водой, намочил зубную щетку, мыло. Бриться не стал. И так сойдет. Прошел в свою комнату, натянул джинсы и майку. Проверил карманы. В одном лежала визитка отчима, Костя всегда носил ее с собой, на ней корявым почерком цифры – телефонный номер и имя. То ли Лида, то ли Люся, то ли Лена – не понять.

С этим разберемся потом.

Сейчас главное – заполучить «бобы» и слинять из дома.

К Эдику. От него и по номеру прозвонить, если тот не объяснит сам, кому принадлежит этот телефон.

– Я готов, мам, о чем разговор поведем?

– Может, хватит придуряться? Естественно, о твоём поведении.

– Ну вот, всегда так. Человеку без нотаций хреново, а тут еще душеспасительные беседы, отчим отчитал уже.

– Кость! Тебе нравится твой образ жизни?

– Нет, конечно. Но это временно. Сама же говорила – лучше перебеситься в молодости, чем потом всю жизнь куролесить.

– Перебеситься – одно, а вот стать алкоголиком в восемнадцать лет – совсем другое.

– Лучше алкоголиком, чем наркоманом, – тоже твои, кстати, слова.

– Не цепляйся к словам.

– Ты – нападаешь, я – защищаюсь. Но, знаешь, честно говоря, мне гулянки тоже уже надоели. Гулять-то хорошо, а вот по утрам... врагу не пожелаешь. Синдром проклятый вконец достал.

– Дала бы я тебе по заднице.

– Э! Это надо было раньше делать, теперь – поздно.

– Давай ложись в постель – отходи. Переболеешь дня два – легче будет.

– Ладно, черт с ним, переболею, но давай с послезавтра. У нас на сегодня и завтра дела с Эдиком.

– И какие могут быть дела у двух бездельников?

– Мы с Эдиком познакомились с девушками, нет, только ничего плохого не думай. На этот раз все чисто и благопристойно. Пригласили их провести время вместе на природе. Согласись, не можем же мы кинуть их? Как я буду выглядеть, если завалюсь в постель? Разве так поступают? А послезавтра – все! Шабаш! Ложусь и отхожу. Честное пионерское. Тем более стимул есть – отчим обещал кроссовки.

– Я сейчас позвоню Эдику и проверю правдивость твоих слов.

– И подставишь меня. Нет, ты, конечно, можешь позвонить, но как после этого будут говорить обо мне? Маменькин сыночек? Подъюбочник?

– Ладно. Поверю тебе, в последний раз поверю, но послезавтра – ты мой. Все, что бы я ни потребовала, будешь выполнять беспрекословно, согласен?

– Согласен. Но условие на просьбу. Я не могу явиться в компанию без денег, дай пять-сот рублей?

– Мне помнится – ты просил двести?

– Двести – долг отдать, три сотни – на природу.

После некоторого раздумья Анна Сергеевна достала банкноту.

– Хорошо. Вот тебе деньги. Но, учти, послезавтра...

– Я все учел, все, мамуля. Извини, мне пора.

Костя, сунув деньги в карман, выбежал из дома.

Осадившись пивком, направился к Эдику.

Мать Кости – декан исторического факультета педагогического университета, – строгая ко всем, за исключением, пожалуй, собственного сына, женщина умная, прагматичная и расчетливая. Анна Сергеевна в свое время и замуж за офицера – Костиного родного отца, погибшего в Афганистане в год рождения сына, – вышла только ради того, чтобы иметь возможность уйти от забот многодетной семьи, из которой была родом. Все же тогда служба офицера еще была одной из престижных и, что немаловажно, неплохо оплачиваемой. То есть замуж мать Кости вышла по расчету и после гибели мужа траур долго не носила. Работая в школе, Анна Сергеевна сделала все, чтобы найти себе достойную пару. И результатом трудов стал брак с заведующим одним из отделов горкома партии, мужчиной значительно старше ее, который обеспечивал ей и сыну безбедную жизнь и продвижение по службе самой Анне Сергеевне. Вскоре она становится преподавателем тогда еще пединститута, защищает кандидатскую и получает прекрасную возможность продолжить карьеру, чем и пользуется. Костя знал обо всем в деталях от самой матери, которая с раннего возраста пыталась навязать сыну свои представления о жизни.

Отчим после крушения партийной системы быстренько переоформился в демократа и остался на плаву, занимая высокую должность заместителя главы городской администрации. Деньги он имел никак не соизмеримые с его должностным окладом.

Вот таким тандемом родители Кости воздействовали на него, готовя ему жизнь обеспеченную, беззаботную. И, как это часто бывает, вырастили избалованного, непослушного оболтуса.

После окончания школы Константину была уготована студенческая скамья юридического факультета, несмотря на то что школьные выпускные экзамены он сдал кое-как.

Но Костя продолжать образование не собирался. Он наотрез отказался поступать куда-либо, объясняя отказ тем, что учеба его и так достала и ему необходим год отдыха. Как ни старались Анна Сергеевна и Григорий Максимович, сын настоял на своем.

По правде говоря, Костя при всех его недостатках имел и ряд достоинств. Он не был трусом, ценил дружбу, зла долго не держал, обиды легко прощал, умел признаваться в собственной неправоте. И слыл отчаянным, хулиганистым малым, дерзким в словах и поступках.

Может быть, эти качества и позволяли ему быть авторитетом среди сверстников и пользоваться их уважением.

У Кости было много знакомых, но друг – один Эдик, его одноклассник. Он, как и Костя, был парнем рискованным, или, как их нынче называют, экстремалом. Он везде и во всем поддерживал затеи Кости и готов был ради друга пойти на все. Так, по крайней мере, ему самому казалось.

Костя шел к Эдику. Конечно, никакого знакомства не было и поездки на природу тоже не намечалось, просто нужны были деньги. Обманом Костя свой поступок не считал, а относил его к небольшой вынужденной хитрости. Он нес в кармане куртки бутылку водки, зная, что друг тоже по утрам страдает похмельем. Предков Эди сейчас не было дома, и они смогут спокойно оттянуться. А потом «пробить» телефонный номер. Все же интересно, кто такая эта Лида, Люся, Лена?

Обычно Костя давал свой, но это случалось крайне редко, а у девиц, с которыми он проводил ночи, вообще не интересовался ни именем, ни адресом. Тем более никогда не брал ничьи телефоны. У проституток на всех один телефон – номер фирмы интимных услуг.

Почему же на этот раз он записал номер?

Может, Эдя просветит?

Эдик встретил друга радушно.

– Привет, Кость! Заходи! Принес чего-нибудь?

Костя вытащил пузырек.

– Ну слава тебе... С утра, думал, подохну. Да мои еще наехали: где да как, что за дела? А мне без них плохо, и так над тазиком с пяти утра. Выворачивает, сил нет. И ладно бы рыгал по-человечески, а то желчь одна прет, – жаловался на судьбу Эдик, открывая бутылку. – Возьми, Кость, там, в шкафу, бокалы и в холодильнике – пепси – запить.

Выпили.

– Хорошо, – удовлетворенно сказал Эдик. – И что у меня за натура такая? Пить могу литрами, и голова не болит по утрам. А вот рвет, невозможно. стакан залудить – как на свет по новой народишься. Мать говорит – синдром похмелья только у алкашей. Значит, мы с тобой «синяки»?

– Тебе не без разницы?

– Ну ты сказал, без разницы? А блевотня поутру? Как петух, в натуре. Тот на рассвете кукарекает, а я блюю.

– Ты прошедшую ночь хорошо помнишь? – спросил Костя.

– Да вроде, а что?

Друзья выпили еще по сто граммов.

– У меня тут телефончик один, на, глянь.

Эдик посмотрел.

– Номер как номер, а вот с именем напряг – не могу понять.

– Вот и я не пойму. Мы вчера под конец к «Паше» вернулись. Так?

– Да. Бухнули нормально, потом девочки подвалили. Как всегда.

- И я так в компании и оставался?
- Ты? Дай вспомнить... нет, ты какую-то девицу углядел в толпе. Еще мне что-то про нее сказал. Но что конкретно? Не помню.
- А потом?
- Потом отвалил.
- К ней?
- Наверное. Дергались вы рядом, это я видел.
- А что за бабец? Из «бабочек»?
- Не-е, я ее раньше не видел, залетная, скорее всего, не постоянка. И потом, прикид у нее не того...
- Чего не того?
- Ну не как у всех. Старомодный, что ли? Меня Верка оседлала. Я с ней потом и ушел.
- А я остался?
- Вот это не помню.
- Эдик задумался.
- Нет, ты, наверное, тоже свалил. Точно. С Веркой моей Груша была, все тебя хотела. Я ходил искать, но в толпе не нашел. У бара тоже не было. И девицы, кстати, я не заметил. Выходит – свалили вы.
- Свалили. А куда?
- Да чего ты голову ломаешь? Очухался-то где?
- Дома. Мать говорила – около трех пришел, в дымину.
- Тогда, скорее всего, врубил автопилот и до хаты. Да ты по номеру звякни. И узнаешь, что к чему.
- Правильно.
- Эдик передал трубку. Костя набрал номер.
- Ответили сразу. Мужской, явно нетрезвый, хриплый голос:
- Да!
- Здравствуйте, извините, вы не могли бы Лиду пригласить?
- Чего? Какую тебе Лиду? Набирай номер правильно. Нет здесь такой.
- Связь отключилась.
- Вот черт. Нет там никакой Лиды.
- Ну Люсю спроси.
- Костя вновь набрал номер.
- Да! – все тот же хриплый голос.
- А Люсю можно?
- Это опять ты? А не пошел бы ты, парень?
- Подождите, не бросайте трубку, у вас номер такой? – Костя продиктовал цифры.
- Такой, и чего?
- Понимаете, я неразборчиво записал имя. С вами проживает девушка?
- Ленка-то? Дочь! Это она тебе номер дала?
- Не придумал же я его?
- Тогда нет ее.
- А когда будет? Или где мне найти ее?
- А чего ты к ней имеешь?
- Да ничего, просто познакомились, хотел еще раз встретиться.
- На работе она. Если не смогу, ступай в кардиологию, третье отделение. Все. Больше не звони. У нее смена до утра.
- Спасибо.
- Но хриплый абонент не слышал слов благодарности, опустив трубку на аппарат.

- Значит, Лена, – подвел итог Костя.
- Чего-то я не возьму в толк, с чего это ты заинтересовался какой-то Леной? Там Груша, а ты непонятно кем интересуешься.
- Ладно, Эдя, проехали. Давай по третьей, у меня дела.
- Выпили и по третьей, последней. Эдик спросил:
- Когда встретимся?
- Будь дома. Я зайду или позвоню.
- Ладно. Тридцатку не дашь? Мои все выгребли.
- Костя дал ему три десятирублевки и вышел.
- Он поймал такси, отправился в областной кардиологический центр.
- Время было раннее, центральный вход закрыт. Попасть внутрь больницы можно лишь через приемный покой.
- Встретила его пожилая женщина.
- Что вы хотели, молодой человек? Вам нужна помощь?
- Нет. Понимаете, тут такое дело, мне необходимо увидеть одну девушку.
- Понимаю. Но посещение больных в Центре строго регламентировано. С расписанием можете ознакомиться на выходе.
- Она не больна. Работает здесь.
- Тогда тем более. Человек на смене, у нее дела. Закончит работу, и увидите.
- Да не могу я ждать. Здесь такое дело, – пошел на хитрость Костя, – я вчера подвозил вашу сотрудницу. По пути рассказала, что работает здесь. Выходя из машины, она выронила кошелек, в нем триста рублей. Я решил вернуть деньги, а времени в обрез, мне необходимо на несколько дней уехать из города.
- Да? – Женщина недоверчиво посмотрела поверх очков. – Это другое дело. Триста рублей для нас не шутка. Как фамилия девушки?
- Ну, так близко мы не знакомились. Знаю, что зовут Леной, работает в третьем отделении.
- В третьем? Что-то не припоминаю, наверное, недавно у нас. Молоденькая?
- Моего возраста примерно.
- Хорошо, подождите здесь, постараюсь найти вашу Лену.
- Когда за женщиной закрылась дверь, Костя отчего-то почувствовал себя неловко. И это было что-то новое.
- Ждать пришлось недолго.
- Скоро дверь отворилась, в приемную комнату вышла симпатичная девушка в строгом медицинском костюме.
- «Она», – узнал Костя. Память сработала на раздражитель, и кое-что он вспомнил. Вспомнил, как именно ее пригласил танцевать, предлагал составить компанию.
- Ты? – очень удивилась девушка.
- Я.
- Вот уж кого не ожидала больше встретить.
- Тем не менее.
- Что тебя привело ко мне? Мы же, по-моему, расстались, о встрече не договариваясь? И как ты нашел меня? Хотя понятно, воспользовался номером, который я опрометчиво дала. О чем вскоре пожалела. Отчим тоже хорош – объяснил где найти, ведь просила же никому не говорить!
- Лен, давай выйдем на улицу, неудобно как-то здесь...
- Зачем?
- Поговорим.
- О чем?

– Ну что ты в самом деле? Пойдем. Не съем же я тебя?

Девушка на секунду задумалась.

– Хорошо! Но только на несколько минут, я очень занята.

– Больше и не потребуется.

Они вышли, присели на лавочку.

– Лен! Не люблю я кружить вокруг да около. Поэтому спрошу прямо, что тогда, на дискотеке, или после нее было? Как встретил тебя – помню, дальше – темный лес.

– Ну и оставался бы в лесу. Зачем тебе знать, что вчера было?

– Не знаю, как тебе объяснить, но чувствую я себя как-то дискомфортно. Сразу, как проснулся, вспомнил о тебе. Почему? Не знаю. Что-то вот осталось, наверное, в подсознании, какое-то приятное воспоминание. Поэтому и спрашиваю.

– А ничего не было. Ты был пьян на порядок сильнее, чем сейчас, но сначала вел себя прилично. Тогда я, дура, тебе и телефон дала. Знала бы, что будет дальше, получил бы ты от ворот поворот. Потом распинаться начал, какой ты крутой, при деньгах, две сотни совал мне. Предлагал переспать. Я от тебя, ты за мной, только на улице и отвязалась. Вот что было. Ничего сверхъестественного, правда? Ну ладно, получил ответ? Тогда прощай. Домой не звони, пожалуйста, и не ищи встреч. Нет у меня времени и желания встречаться с тобой. Пока.

Девушка встала и направилась к больничному корпусу.

– Лен! Да подожди ты. Я, может, извиниться хочу. Лен?

Лена на ходу обернулась:

– Ни к чему это. Никому твои извинения не нужны. Ни мне, ни тебе.

Она вошла в приемный покой, оставив Костю одного перед дверью.

Тот в сердцах ударил по ней ногой.

Смотри какая! Корчит недотрогу. Он еще перед ней стелется. Плебейка! Ругаясь про себя, Константин вышел за ограду больничного комплекса.

На душе стало мутно. Он огляделся, ища глазами «рюмочную», но подобных заведений здесь, видимо, не было. Поймал такси.

– В центр.

– Куда именно? Центр большой.

– К Кремлю.

– Полтинник готовь?

– Поехали.

Выйдя у кремлевского парка, Костя зашел в забегаловку, где его хорошо знали. Бармен – бывший одноклассник Денис – приветливо махнул рукой, приглашая к стойке.

– Проблемы, Кость?

– С чего ты взял?

– Видок у тебя... не того.

– Перебрал вчера.

– Чем лечиться будем? Водочку, бормотушку или, может, пивком оттянешься?

– Водки. Двести.

Видя, что бывший одноклассник не в духе, Денис не стал продолжать разговор. К тому же зашли посетители. Костя попросил еще столько же водки и сел за столик. Спиртное ударило в голову, но настроения не подняло.

Перед глазами стояла Лена.

Как она с ним разговаривала? С каким-то превосходством, даже пренебрежением. Странно, но Костя чувствовал себя виноватым. Но следует признать – девка-то молодец. Знает себе цену. И симпатичная. Никакой косметики, маникюра, наращенных ногтей в отли-

чие от размалеванных подруг, с которыми он общался с тех пор, как познал женщину. Он-то и мужчиной стал со шлюхой. А эта? Эта – другое дело.

Но почему она так задела его, почему остается в мыслях? Ведь разобрались же. Она его презирает, это факт. Почему засела в сердце? А может, потому и засела и мучает его, что не такая, как все?

Костя допил водку. И почувствовал, что хватил лишку.

Предметы бара стали расплываться, Денис за стойкой раздвоился, потянуло в сон.

– Денис! – заплетающимся языком позвал Костя.

Тот подошел.

– Чего-то меня, Дэн, развезло, вызови тачку, отправь домой.

– Рассчитаешься сейчас или записать?

– А? Совсем чердак едет, конечно, сейчас.

Он достал сотенную.

– Вызови такси.

– Тебя грузчик наш отвезет, у него «шаха» здесь. Пошли во двор.

Качаясь на одеревеневших ногах, Костя вышел во двор, рухнул на заднее сиденье, и через полчаса водитель передал тело домработнице.

Разбудила его, лежащего одетым на софе в зале, мать, вернувшаяся из университета.

– Ты что же делаешь? Мне про природу заливал, а сам? Нажрался, как последняя скотина, да еще с утра. Смотреть на тебя противно.

– Мам, отстань, и так плохо.

– Нет, а ты что хотел? И учти, никакой похмелки я тебе не дам и никуда из дома не выпущу. Раздевайся, прими душ и в постель.

Раздался телефонный звонок. Анна Сергеевна подняла трубку:

– Алло!.. Эдик?.. Дома. Нет, Эдя, он не может выйти, не в состоянии... вот именно... так что вы сегодня без него... Хорошо, хорошо. До свидания.

В любой другой ситуации Костя ни за что не позволил бы матери решать за него – идти ли ему к друзьям или нет. Просто снял бы трубку параллельного телефона. Но сегодня ему было не до Эдика, и он равнодушно воспринял ответ матери. Сейчас ему самому не хотелось никуда идти. Не хотелось ни веселья, ни водки. Единственное, что он сделал бы с удовольствием, так это просто поговорил бы с Леной, но это было невозможно. А посему Костя подчинился матери, ушел в свою комнату и лег в постель.

Анна Сергеевна удивилась спокойному послушанию сына. Она готова была к скандалу, к оскорблениям, к тому, что сын все равно поступит по-своему и уйдет. Но тот поступил иначе, Костя послушался ее, и это обстоятельство вселило в Анну Сергеевну беспокойство. Она вскоре подошла к постели, присела.

– Что-нибудь случилось, Костя?

– Ничего.

– Не надо лгать матери.

– Я говорю правду.

– Но такого никогда не было. Чтобы ты послушал меня с первого слова.

– Все тебе не так. Иди встречай отчима, я хочу побыть один.

– Ты не заболел?

– Я всегда болею, когда перепью.

В полном недоумении Анна Сергеевна вышла из комнаты.

Пришел с работы Григорий Максимович. Супруга поспешила к нему с новостью о поведении Кости.

– Натворил, наверное, опять чего-нибудь, вот и прячется. Я, кстати, с нашим участковым встретился сегодня. Приходил в мэрию специально ко мне. Каково?

– Зачем?

– С просьбой, чтобы приструнили сыночка. Тюрьма по нему плачет, если не прекратит пьяные выходки.

– Какие выходки, Гриша?

– А ты загляни на досуге в милицию. Там тебе расскажут. Этот участковый, видишь ли, только из уважения ко мне и тебе отмазывает, как он выразился, нашего засранца. То Костик морду в кабаке кому-то разобьет, то на стене напишет похабщину, то телефонную будку опрокинет. Там у участкового много чего. И Костик всегда мной прикрывается – таскает с собой мою визитку. Ты понимаешь, как он меня подставляет?

– Но, Гриша, почему об этом я узнаю только сегодня?

– А ты думаешь, когда я узнал? Вчера? После сегодняшнего визита капитана и узнал. Это хорошо, что Костик дома, я сейчас проведу с ним беседу.

– Не сегодня, Гриша. Придет в нормальное состояние, тогда вместе и поговорим.

– Ты лелеешь надежду, что Константин когда-нибудь вернется в нормальное состояние?

– Гриш! Давай прекратим этот разговор. Я знаю, что говорю. – Когда было надо, Анна Сергеевна могла быть непреклонной и властной.

* * *

Сегодня вместо обычного совещания в части был назначен товарищеский суд чести младших офицеров. Рассматривалось дело старшего лейтенанта Доронина Александра Владимировича, которое состояло из нескольких пунктов, но доминирующим было обвинение в превышении командиром роты своих полномочий. Ну, конечно, до кучи, и употребление спиртных напитков в служебное время, как будто у офицера есть какое-то другое время, и отказ заступить в наряд. И еще много чего, вытасченное на свет божий из объемной записной книжки бдительного заместителя командира части по воспитательной работе – майора Куделина.

И кому какое дело, что выпил Доронин, встретив своего однокурсника на сборах, и всего сто граммов? Было? Было. И то, что отказался заступить в наряд вместо «скосившего» под больного сына начальника штаба округа? Опять-таки. Было? Было.

А превышение власти? В чем? В том, что въехал в челюсть одному подчиненному, распоясавшемуся сержанту? Сержанту, который заставлял молодых солдат закапывать на двухметровую глубину случайно брошенный мимо урны окурки? Конечно, юридически он не имел права трогать сержанта Шульгина. Но этот тип являл собой образец мерзости и цинизма. С каким-то садистским упоением он унижал тех, кто был моложе по срокам службы и слабее его.

И разве Доронин не пытался по-хорошему урезонить сержанта? Не проводил беседы? Не наказывал дисциплинарно? Но куда там! Шульгин только нагло смотрел в глаза – говори, мол, говори, золотая рыбка, ничего ты мне сделать не сможешь. И разве не подавал Доронин рапорт о проступках сержанта вышестоящему командованию? Подавал. А результат? Нулевой. Воспитывай, ты на то и поставлен. Вот и провел Доронин воспитательную работу. Один удар – и Шульгин тут же обнаружил, что он на самом деле представляет. Куда спесь девалась? Хотел узнать, что я смогу ему сделать? А вот что. И так будет постоянно, пока не поймет, что вокруг него люди, а не рабы.

А зам по воспитательной, понятное дело, тут как тут. Еще бы, ЧП в части. Доложили ему в момент, и немудрено – развел «стукачей» на всех уровнях. И тут же раздул дело до суда.

Хорошо, что еще командир – человек с понятием, бывший афганец, суровый, но справедливый офицер. И бурная деятельность его зама, которого какая-то высокая рука поста-

вила на эту должность, чтобы затем рвануть вверх, была командиру не «в жилу». Это чувствовалось в их отношениях – холодных, неприязненных.

Поэтому, может быть, Смирнов как-то, вызвав его, Доронина, на беседу, посоветовал не связываться с замполитом – как по старинке продолжали называть замов по воспитательной.

Да черт с ним, с замполитом, но под его защитой наглеют старослужащие, пытающиеся установить свой диктат в подразделениях. И в какой-то степени это им удастся.

Доронин посмотрел на время. Пора выдвигаться. Подойдя к клубу, он встретился с сослуживцами, которые курили, собравшись кучами. Его позвал Вова Чирков – командир инженерно-саперной роты.

– Что, Сань, готов к промыванию мозгов?

– Ты знаешь, где я видал это промывание.

– Это понятно. Непонятно другое, с чего к тебе так прочно прицепился Куделин? В части подобных случаев было да и есть до черта. Но все заминали до сих пор. А тут решили вдруг предать огласке? Для чего? Да, по сути, и предавать-то нечего. Подумаешь, въехал козлу по морде. Мои архаровцы иногда так доведут, что всех готов порвать.

– Все, Вова, здесь понятно. И дело не в том, что я ударил подчиненного или дернул по сотке. Неудобен я. Должность занимаю, а замполиту надо своих, нужных ему людей продвигать. Возьми Панкратова. Папа – в Академии Генерального штаба, генерал, а сын – взводный. Но должности заняты! Как продвинуть парня? Надо освободить место и положить Панкратова на роту, хотя ему и взводом-то командовать рановато. Глядишь, папа и вспомнит добрым словом того, кто сына бестолкового к очередной звездочке протолкнул. Или Кудецкий? Вместо него меня в наряд пытались засунуть. Он будет бухать и класть на всех с прибором, а я за него лямку тянуть? Уже... Как говорит мой нерусский старшина – такой сикиш не канает. Но Кудецкого не тронули. Попробуй – все же сын начальника штаба округа. А Доронина? Отчего ж, его можно. Кудецкий, видишь ли, был только пьян, а я отказался выполнить приказ. Он, понимаешь, ни при чем. Виноват я.

– Ладно, Сань, не заводись. Тебя командир поддерживает. Не даст сожрать замполиту.

– Сейчас, может, и не даст, но Куделин и под командира копает. А что этот козел задумает, того добиваться будет всеми способами.

Разговор офицеров был прерван командой ЗНШ – заместителя начальника штаба:

– Товарищи офицеры, кончай курить. Прошу всех в клуб.

Офицеры потянулись в зал. По ходу суда Доронину отводилась особая роль, и зайти он мог одним из последних. Поэтому Александр остался на улице, тем более что командование еще не подошло.

Как вести себя на суде? Агрессивно защищаться? Или играть в молчанку? В любом случае решение по нему уже принято, осталось только разыграть спектакль. Молчать будет трудновато – все же обвинения против него сильно притянуты за уши, поэтому-то и обидны.

За размышлениями он не заметил, как от штаба подошел командир в окружении заместителей. Смирнов пропустил, как положено, замов вперед, сам подошел к Доронину.

– Ну что, Доронин, особого приглашения ждешь? Готов к суду?

– Я-то готов, товарищ подполковник, только несправедливо все это. Вам не кажется?

– Казаться мне, Доронин, по должности не положено, но я предупреждал тебя – держись от Куделина подальше.

– Так мы что, в разных армиях служим? Почему я должен просчитывать каждый свой шаг, боясь попасть на заметку какому-то уроду?

– Все! Прекрати. Не заводись – себе хуже сделаешь. И болтай поменьше. Куделина речами не проймешь. Отмолчись. Дальше посмотрим.

Доронин вошел в клуб, присел на крайнее кресло предпоследнего ряда.

Следом зашел командир. Он занял место в президиуме, но не Смирнов играл сегодня первую скрипку, зам по воспитательной.

– Товарищи члены суда младших офицеров, прошу занять свои места.

Когда команда была выполнена, замполит обвел взглядом аудиторию.

– Доронин? Старший лейтенант Доронин?

– Я. – Александр встал.

– Вы что, Доронин, первый раз замужем? Проходите и займите свое место.

Александр прошел через весь зал и остановился рядом со специально поставленным стулом, под президиумом, перед залом.

– Вот так, садитесь на стул позора.

– Не волнуйтесь, товарищ майор, я постою.

– Доронин! Здесь вам не цирк, – настаивал замполит, – а суд, пусть и товарищеский, так что извольте выполнять правила. Стул позора и предназначен для того, чтобы на нем сидел тот, кто коллективом предан позору.

– Сказал постою, значит, постою, и нечего меня уламывать.

– Товарищ подполковник! Обращаюсь к вам как к командиру. Сами видите, как ведет себя Доронин.

– Майор! По-моему, вы затягиваете. Если вам не дорого свое время, то пожалейте время подчиненных. Начинайте.

Зам по воспитательной с трудом проглотил пренебрежительный тон подполковника Смирнова, но, сдержавшись, продолжил исполнять отведенную ему роль.

– Что ж, Доронин, командир сделал для вас исключение. Но на то он и командир.

– Товарищ майор, – донеслось из зала, – ну на самом деле, давайте по теме, чего кота за хвост тянуть?

– Я попрошу нетерпеливых свое мнение попридержать при себе и не позволю превращать серьезное мероприятие в балаган. Начинайте, – обратился он к председателю суда – одному из командиров рот, капитану Березкину.

Тот начал:

– Товарищи офицеры! Мы с вами сегодня обсуждаем проступки, совершенные нашим сослуживцем, командиром пятой роты, старшим лейтенантом Дорониным Александром Владимировичем. Первое – это избиение сержанта Шульгина на глазах у подчиненных. Что вы можете, товарищ старший лейтенант, сказать по этому поводу?

– Если вы считаете, что один удар в порыве гнева по уважительной, поверьте, причине – избиение, то тогда вообще о чем можно говорить? Прошу точнее сформулировать обвинения в мой адрес.

– Товарищ старший лейтенант, какая разница – один вы нанесли удар, два ли, но вы ударили своего подчиненного?

– Да, ударил.

– Другие подчиненные рядового состава при этом присутствовали?

– Да, присутствовали.

– И как же вы оцениваете свой поступок?

– Если вы хотите этим вопросом спросить, ударил бы я сержанта вновь, повторись та же ситуация? Отвечаю – да, ударил бы. Или, по-вашему, я должен был со стороны наблюдать, как сержант издевается над молодыми солдатами?

– Как у вас складно получается, – вступил в разговор Куделин. – Товарищ подполковник, товарищи офицеры, довожу до вашего сведения, что по случаю физического оскорбления сержанта Шульгина проводилось служебное расследование и фактов, подтверждающих то, что сержант издевался над «молодыми», как здесь выражается так называемый коман-

дир роты, не обнаружено. Стыдно, старший лейтенант, прибегать ко лжи во спасение своей изрядно подмоченной репутации. Стыдно и недостойно офицера.

– Вы проводили дознание и факты не подтвердились? А что вы ждали? Да кто же вам правду скажет о Шульгине? Ведь всему личному составу известно, что он ваш, товарищ майор, осведомитель.

– Что-о? Что вы сказали? Вы в своем уме? Или опять пьяны? Вы понимаете, в чем только что меня обвинили? Товарищ подполковник, товарищи офицеры, я обращаю ваше внимание на слова этого негодяя. Вы еще ответите за свои слова, Доронин, ответите.

– Я-то отвечу, но и вам придется извиниться за негодяя. И что это так вы взвились? Или я сказал что-то из ряда вон выходящее? По-моему, всем известно, как вы проводите воспитательную работу, на чем ее основываете.

– Товарищи офицеры! Майор Куделин! Не забывайте, что вы находитесь на суде чести. Ваши пререкания никому не нужны, а вы, товарищ Березкин, исполняйте свои обязанности, – высказался раздраженный командир.

– Да о какой чести вы, товарищ подполковник, говорите, – не унимался Куделин, – вы посмотрите на поведение Доронина, он же всем нам бросает вызов своим поведением.

– Это у тебя, майор, где честь должна быть, кое-что выросло. Воспитатель гребаный. Ведь приняли решение убрать институт замполитов, так нет, попробуй тронь эту касту. Хрен возьмешь.

– Доронин? Что за поведение, твою мать? – вышел из себя командир. – А ну прекрати немедленно! Ты можешь не уважать конкретную личность, но погоны старшего офицера уважать обязан. И обращаюсь ко всем – не прекратите сами эту порнографию, я ее прекращу.

Побледневший Куделин не стал продолжать перепалку, уткнулся в записную книжку и принялся что-то быстро в нее заносить.

Наконец капитан Березкин решил взять ведение собрания в свои руки.

– Вам, Доронин, был задан вопрос – как вы оцениваете свой поступок, но вразумительного ответа собрание так и не получило. Вам слово.

– А мне нечего сказать. Считайте, что от объяснения по всем пунктам я отказываюсь. Можете начинать обсуждение.

– Это ваше право. Товарищи офицеры, кто желает выступить?

В зале царил молчок, никто особого желания высказаться, видимо, не испытывал.

– Что, нет желающих?

– Разрешите мне, – подал голос Чирков.

– Слово предоставляется командиру инженерно-саперной роты старшему лейтенанту Чиркову.

– Товарищи офицеры. Не знаю, как вы, но я не пойму, из-за чего мы тут собрались.

– Пожалуйста, еще один комик, – проговорил как бы про себя Куделин, но так, чтобы его услышали.

– Это вы про себя, товарищ майор? – не остался в долгу Чирков.

– И вы туда же, Чирков? Ну-ну, далеко пойдете.

Командир привстал – обвел взглядом аудиторию и, ничего не сказав, сел на место.

Было заметно, что он сильно раздражен.

– Я не хочу препираться с замполитом, – продолжал Чирков, – и определять кто есть кто. Скажу по существу данного, неудачно разыгранного спектакля. Ради чего мы здесь? Что обсуждать? Что Доронин совершил преступление? Ударил сержанта? А за что? За то, что тот издевался над «молодыми», хоть и хочет все по-другому представить майор Куделин. Я знаю, что творит этот Шульгин, и, будь на месте Доронина, тоже набил бы ему морду. Да что об этом говорить? Все мы прекрасно видим, что наш коллектив с приходом в часть Куде-

лина разделился на два лагеря. И «дедовщина» процветает там, где есть такие вот сержанты, которые входят в своеобразный актив замполита.

Куделин хотел что-то сказать, но его опередил лейтенант Панкратов:

– Товарищи офицеры, это что получается? Что мы совершенно игнорируем субординацию и, вместо того чтобы обсуждать проступки Доронина, свою оценку которых я дам ниже, обсуждаем старшего офицера? Что нам не положено по Уставу. Поэтому считаю, что такое поведение непозволительно, и призываю всех выступать по теме. Теперь скажу свое мнение о том, что совершил Доронин. А поступил он подло. Иначе назвать его поступок не могу. В арсенале офицера много возможностей навести в подразделении порядок. Но Доронин предпочитает мордобой, тем самым показывая личному составу губительный пример. И за это он должен понести суровое наказание.

– Панкрат, – фамильярно спросил уже порядком заведенный Чирков, – а у тебя во взводе что творится, ты знаешь? Или тебе некогда? Хотя откуда тебе знать? Ты же постоянно на вызове у Куделина. А во взводе у тебя правит сержант и отдувается за все ротный. Не знаю, как он еще терпит подобное. Не знаю, но понимаю – ведь ты же под патронажем Куделина. Тебя трогать – себе дорожке выйдет. Так что тебе ли обсуждать Доронина? Садись лучше – свое ты на сегодня уже отслужил хозяину.

– Старший лейтенант Чирков! – В голосе Куделина звучали металлические нотки, он смотрел на командира роты холодными, змеиными глазками. – Если вы офицер, то подпишитесь под своими словами, и мы с вами разберемся где следует.

– Не волнуйся, майор, я за свои слова отвечу. Смотри, как бы тебе за свои дела не пришлось ответ держать. Считаешь, что все можешь? Смотри, не переоцени себя и своих покровителей.

– Чирков! А ну сядь на место, – приказал подполковник Смирнов. – Да что это такое происходит? Вы что? С ума все посходили? Вы же офицеры. Нет, видимо, придется мне принять активные меры. Распоясались. Ну что ты, Березкин, на меня смотришь? Будете продолжать заседание?

– Товарищи офицеры, кто еще желает выступить?

Поднялся майор Куделин.

– Я буду краток. Не скрою, что по факту проступков Доронина я сделал свое предложение командиру части – отстранить старшего лейтенанта от командования ротой до принятия решения вышестоящим командованием, но после того, как вел себя Доронин на собрании, – изменил свое решение. Я считаю, что таким, как он, не место в Вооруженных силах, и буду ходатайствовать о его увольнении.

– Да? Уволить меня хочешь? А вот это не видел?

Доронин согнул правую руку в локте и ударил по ней левой.

– Ну все! Хватит! – Командир стукнул ладонью по столу и поднялся. – Властью, данной мне, я прекращаю суд. О времени нового заседания будет объявлено дополнительно. Все, кроме Доронина и Чиркова, свободны.

Клуб через несколько минут опустел. Куделин хотел было остаться, но Смирнов проводил его.

– Товарищ майор, вас попрошу дожидаться меня в служебном кабинете.

– Есть! – сухо ответил Куделин и с недовольным видом удалился.

Когда командир, Доронин и Чирков остались одни, Смирнов взорвался:

– Вы что, мальчишки? Обнаглели совсем? Как вы смели?

– А что «смели», товарищ подполковник? – ответил Доронин. – Правду сказать? Не по вкусу пришлась? Или вы не видите, что в части происходит? Замполит себя над всеми поставил, превратил часть в натуральный дурдом.

– И потом, товарищ подполковник, – поддержал друга Чирков, – из-за чего вся эта карусель вокруг Доронина? Вы-то должны знать. Ведь ясно, что Куделину рота нужна, должность свободная, чтобы Панкрата протолкнуть.

– Все сказали? Значит, Куделин во всем виноват? А вы – ангелы с крылышками? Ты, Чирков, спрашиваешь, из-за чего закрутилась карусель вокруг Доронина? А не сам ли Доронин дал повод для этого? Не дай он в морду сержанту, а посади на гауптвахту, как положено, и все было бы иначе. Не попадись он с пьянкой...

– Да какой пьянкой, товарищ подполковник?

– Молчи! Ты свое уже высказал. Не попадись, повторяю, с пьянкой, тоже не было бы ничего. Не пошли он на три буквы посыльного, а заступи на службу, и здесь ничего бы не было. Не было бы у Куделина против Доронина ничего. Так кто, в конце концов, виноват? Куделин, который, согласен, ведет себя подло? Или Доронин, который своим поведением провоцирует замполита? Но зам по воспитательной старше и по званию, и по должности, а в армии существует еще понятие о субординации. Видишь, что начальник «перегибает палку», – доложи вышестоящему командиру, а не посылай куда не следует. А вы распоясались, потеряли контроль над эмоциями. И ладно еще Доронин, его еще можно понять, правда, с большим натягом. Он защищался. И делал это не лучшим образом, мягко говоря. Ну а ты, Чирков, почему оскорбил старшего офицера? Какое имел право? Правды добиваетесь? Да ничего подобного. Так правды не добиваются. И какой, собственно, правды? Ведь формально Куделин во всем прав. Разве за Дорониным числится мало грешков? А, старлей? Да будь ты чист, Куделин ничего бы не смог предпринять, как бы этого ни хотел. В первую очередь надо уметь себя контролировать, а не переводить стрелки на других. Вот вы мне ответьте оба: зачем сами в петлю лезете? Не хотите служить? Рапорта на стол и до свидания! И нечего шоу устраивать, шоумены тоже мне...

Наступила короткая пауза. Командир закурил.

– Вы же училища заканчивали не затем, чтобы потом, получив диплом, «слинять» на «гражданку». Вы служить пришли. Я знаю. Научился, слава богу, в людях разбираться и видел в Афгане, как такие, как вы, героями становились, а панкратовы и куделины тихими мышами сроки отбывали. Так какого черта подставляете себя? Вы утверждаете, что я не вижу, что в части происходит. Ошибаетесь. Все вижу. И больно мне, понимаете, больно, а вы мне соли на раны не скупясь... Мы служить должны, людей воспитывать, долг свой исполнять. Посмотрите, кто к нам в последние годы приходит? Наркоманы, алкоголики, дистрофики, лица, ранее связанные с криминалом. Психически нездоровая молодежь. Может быть, я и утрирую, но это имеет место. И мы должны с ними работать. А в этих условиях нужны офицеры настоящие, преданные делу своему. Я почему защищаю вас? Потому что именно в вас вижу тот костяк, вокруг которого можно создать здоровый коллектив. За всей вашей раздолбанностью, внешней шелухой разгильдяйства скрывается истинная военная жилка, надежность, способность держать многоликий коллектив в готовности для выполнения боевой задачи. А вы? Да ладно!

Командир махнул рукой.

– Делайте что хотите, свободны.

Офицеры не торопились уходить.

– Ну что застыли? Сказал же – свободны.

– Извините, товарищ подполковник.

– Чего уж там. В себе разберитесь, передо мной что извиняться? О дальнейшем подумайте.

Командир подошел к краю сцены, вновь закурил, показывая, что разговор окончательно закончен.

Чирков с Дорониным тихо вышли из зала.

На улице шел мелкий дождь. На душе было пакостно. Шли по центральной аллее к КПП молча, каждый думал о своем.

Думал и командир, стоя на сцене один в большом зале клуба. И задача, которую ему предстояло решить, была непроста.

Зная паршивый, склочный характер своего заместителя по воспитательной работе, он ломал голову, как сгладить возникший конфликт. И решения пока не находил. Куделин, если еще удастся его уломать, непременно потребует, чтобы Доронин и Чирков публично извинились. Офицеры этого не сделают, прекрасно понимая, что после извинений примирения не наступит.

Куделин, напротив, усилит нажим, почувствовав слабость оппонента. Такова его натура – безжалостно давить неугодных, подминая под себя, заставляя испытывать постоянную от него зависимость.

Если же не предпринимать ничего, то завтра в вышестоящий штаб полетит такая бумага, что реально встанет вопрос о немедленном увольнении Доронина и Чиркова.

Убедить Куделина не делать этого он, Смирнов, не сможет. Приказать? Тот тут же обжалует приказ. Вот, блин, загнали тоже занозу в часть. Быстрее продвигали бы его, что ли, выше, пока он здесь все не развалил своими интригами...

Значит, все же придется обратиться к Петровичу – генерал-полковнику Седову, – заместителю Главкома Сухопутных войск. Они были в дружеских отношениях еще с Афгана, когда капитан Смирнов прикрыл собой командира дивизии генерал-майора Седова, приняв на себя три пули душманского снайпера. После этого случая генерал чувствовал себя обязанным Смирнову.

Придется поставить Куделина в известность, что и он, Смирнов, может в случае необходимости сильно огрызнуться, сломать карьеру своему заму. Это был некрасивый ход, но вынужденный. Иначе сохранить Доронина и Чиркова для армии ему не удастся. А терять этих парней не хотелось.

Приняв решение, подполковник Смирнов направился в штаб, поднялся на второй этаж, зашел в кабинет своего заместителя, который ждал прихода командира, выполняя приказ.

Утром на разводе о вчерашнем происшествии не было сказано ни слова. Это обстоятельство удивило многих. Но более всего офицеров строевой части.

Никакого рапорта, докладной в вышестоящий штаб по линии майора Куделина не поступило.

Это было по меньшей мере странным. Все ожидали, что Доронина и Чиркова как минимум до окончания разбирательства и повторного суда чести отстранят от исполнения служебных обязанностей, но этого не произошло.

Не произошло ничего, и причин такого неожиданно спокойного исхода никто не знал, за исключением, естественно, Смирнова и Куделина.

Суд же вообще перенесли на неопределенный срок.

Жизнь продолжалась.

Доронин с Чирковым, как и остальные командиры подразделений, готовились к отправке в запас отслуживших положенное военным служащим и к приему молодого пополнения. Сержант Шульгин увольнялся тоже, и это, в какой-то степени, смягчало противостояние. Но только смягчало.

* * *

Утром Костя, хоть и чувствовал себя еще неважно, стал собираться.

Анна Сергеевна поинтересовалась:

– Куда направляешься? К Эдику? Сам же обещал, что будешь отходить от пьянки?!

– А я что делаю? Не прошу же водки и денег не прошу. И не к Эдику иду, просто прогуляюсь и вернусь.

– Кость? Что с тобой случилось? Ты попал в неприятную историю? Тебе что-то угрожает? Или, может, денег задолжал? А?

– Мам, ну почему если я веду себя не как всегда, то у меня непременно должно что-то случиться? Ты не допускаешь, что я мог решить изменить свою жизнь? Вот так, взять и изменить?

– Подожди, подожди, уж не влюбился ты случайно?

– Не волнуйся. Мне это, наверное, не грозит, здесь я весь в тебя.

– Что ты хочешь этим сказать?

– А разве ты отчима любишь? Или любила раньше? Он тебе просто для выживания нужен был, вот и пошла за него. Про отца говорить не буду, не знаю, но сомневаюсь, что и его ты любила. Извини, конечно, но это на самом деле так.

Анна Сергеевна слушала и понимала, что Костя не ерничает, не издевается, он говорит то, что думает. Она ответила:

– Моя любовь, вся моя жизнь – это ты. Понял? Остальное не в счет.

– В том-то дело, что не в счет. Не будем продолжать. Пошел я.

– Возьми хоть на сигареты.

– У меня есть, – уже с площадки ответил Костя.

Анна Сергеевна, закрыв дверь, присела на пуф. Неужели сын влюбился? Конечно, это должно было когда-то произойти, но так неожиданно? Еще вчера утром он был обычным Костей, каким она привыкла его видеть. Сегодня уже другое дело. Ей так не хотелось делить сына, свою единственную любовь, с другой женщиной. Но поделаться Анна Сергеевна ничего не могла. Оставалась надежда, что не любовь заполнила сердце Кости, а легкое увлечение, которое быстро пройдет, и все встанет на свои места.

Костя ждал Лену. Еще пятнадцать минут до окончания смены. Он сидел на скамейке у самых ворот больничного комплекса и курил.

Лена вышла в обществе подруг, таких же молодых, как и сама. Они о чем-то щебетали, перебивая друг друга. Отработанные сутки, казалось, никак на них не повлияли, молодость давала знать о себе. Девушки были жизнерадостны и легки. Когда они поравнялись с Костей, тот окликнул:

– Лена?

Лена остановилась и обернулась на голос.

– Это я, Лен.

– Ты? Зачем? Я же просила...

– Проводить тебя хочу.

– Больше ничего?

– Нет.

– Мне провожатые не нужны.

– Лен? Ну хорош выпендриваться. Всего лишь прошу – пройти рядом.

Лена оценивающе посмотрела на него, нахмурив брови. И получилось это так забавно, что Костя невольно улыбнулся.

– Ты чему улыбаешься? С головой не порядок?

– Не идет тебе хмуриться. Смешно выглядишь.

– Ты никак сегодня трезвый?

– Абсолютно.

– Что так? Деньги у «крутого» кончились? Мама не дала?

– Лен! Зачем ты стремишься сделать мне больно?! Мстишь за то, что я когда-то наговорил тебе по пьянке?

– Лен, – донеслось от трамвайной остановки, – «девятка» идет, ты едешь?

Костя напрягся, ждал, как поступит девушка. Уйдет – тогда конец, больше он ее не увидит, вернется в тот мир пьянства и разврата, и будь что будет. Останется, тогда...

– Езжайте, я пешком пройду, – ответила Лена подругам, и Костя вздохнул с облегчением. Осталась. – Ну что вздыхаешь? Провожай, коль напросился.

Костя взял ее пакет, они вышли за ворота.

– Ты вообще чем занимаешься? – спросила Лена.

Что было на это ответить?

– Готовлюсь к поступлению в университет.

– Хорошая подготовка – пьянство.

– Да ты видела меня выпившим всего один раз.

– Выпившим – один, вчера. Пьяным еще один, позавчера. А всего видела тебя два раза.

– Да это так, мы просто расслаблялись.

– Где же так перетрудились? Слушай, а чего тебя ко мне потянуло? У вас же компания. И девицы всегда рядом, готовые на все. Или те поистаскались и тебе захотелось свеженького?

– Я не знаю, чего меня потянуло к тебе. Потянуло, и все.

– Ты еще в любви признайся, с первого взгляда.

– А ты не веришь в такую любовь?

– Нет.

– Может, и права.

– А про отчима из мэрии и маму-профессора ты мне правду сказал или тоже мозги парил?

– Правду.

– Знаешь, как тебя можно охарактеризовать?

– Как?

– Самовлюбленный, капризный, молодой, но уже пресыщенный самец.

– Тебе доставляет удовольствие унижать меня?

– Если скажу «да» – обидишься? Уйдешь?

– Не уйду. Но ты не права, не совсем права. Ты же совсем меня не знаешь! А делаешь категоричные выводы.

– Знаю я вас таких.

– И богатый опыт?

– А как бы тебе хотелось? – Костя промолчал. Девушка продолжила: – Я не в том смысле. Просто много сейчас таких, как ты. Полные дискотеки. Кичитесь друг перед другом, как павлины. Одежда – что ты, фирма. А сам, своими руками или мозгами, хоть рубль заработал?

– Ладно. Пусть я такой, каким ты видишь меня. Пусть я не заработал ни копейки, так почему до конца не послала меня куда подальше? А идешь рядом? Почему?

– Посылала, так ведь не пошел? А почему иду рядом – сама не пойму.

– Все ты понимаешь. Просто тебе доставляет наслаждение оскорблять меня. Мстить. И побольнее. А я серьезно хочу попросить у тебя прощения за то, что вел себя по-хамски тогда, на дискотеке.

– Ладно, Кость, мы пришли.

Константин оглянулся – вокруг парк.

– До дома провожать не надо, давай расстанемся здесь.

– Как скажешь.

– Да? Как же ты не похож на того «супера» с дискотеки. Только вот что в тебе настоящего? Сегодняшнее поведение или пьяные выходки и то, что за ними следует?

– А ты проверь. Давай встречаться. Все и поймешь.

– Почему ты так самоуверен? Может быть, у меня есть парень и мы любим друг друга? Такую возможность ты не допускаешь? Или тебе все до фени и парень не проблема?

– Я допускаю, что у тебя может кто-то быть. Но тогда так и скажи. Только правду, я отстану.

– Не скажу.

– Значит, нет никого.

– Это неважно.

– Для меня важно.

– Дело твое. Мне без разницы. Все, пора домой.

– Подожди, Лен! Давай вечером встретимся?

– На дискотеке «У Паши»? В кругу твоих дружков?

– Нет. На Кремлевской площади. Погуляем среди старины.

Лена думала недолго.

– Хорошо. Но уговор, в дальнейшем домой мне не звонить, возле работы не встречать, тем более вызывать.

– Как же я тогда увижу тебя?

– Я еще не решила, стоит ли нам встречаться.

– Но на сегодня договорились?

– Приду, раз обещала. Во сколько?

– Определи сама, как тебе удобно.

– Тогда в семь вечера.

Костя остался в парке. Платком вытер вдруг запотевший лоб.

Что происходит с ним? Почему он, Костя, который ко всем относился с пренебрежением, внезапно подчинился этой хрупкой девушке? Но сердце обволокла теплая приятная волна, и это ощущение посетило его впервые. И вокруг стало как бы светлее, ни о ком, кроме Лены, не хотелось думать, и вообще ему было просто хорошо.

До вечера оставалась уйма времени – весь день. Чем заняться? Пойти к Эдику? Но тот пьянкой достанет, а ему нельзя, да и не хотелось. А простого разговора не получится. Пойти домой? Там в обществе Зинаиды вообще с ума спрыгнешь. Домработница нытьем да упреками достанет. Мол, доводит он родителей до ручки. Вот у нее, Зинаиды, сын – курсант Академии МВД. Скоро при большой должности будет. И он ей в отличие от Кости хлопот не доставляет, одни радости. Ну и дальше в том же духе.

Вот черт! И пойти-то некуда.

Все же, так ничего и не придумав, он отправился домой.

Там его ждал разъяренный отчим.

– Явился?

– Чего тебе-то от меня надо?

– Чего надо? Нет, вы только посмотрите на него. Чего надо? Ты до каких пор позорить меня будешь? Вот уже где сидят твои выходки, – Григорий Максимович ударил себя по шее, – постоянные пьянки, дебоши. Меня, второго человека в городе, каждая мелочь пытается ущипнуть. «А сын-то у вас, Григорий Максимович, того, хулиган!» – скопировал отчим чью-то речь.

– Когда все это было? И отец за сына не ответчик, тем более отчим.

– Вырастили на свою голову. Воспитали.

– Во-во, тут ты прав на все сто. Я – результат вашего воспитания. Другим я не стану, так чего попусту напрягаться? Работай в своей мэрии и посылай всех на хер, при твоей должности это несложно.

– Я, значит, должен работать, а ты балдеть? На мои, кстати, деньги! И при этом подставлять меня? Так?

– Слушай, надоел ты мне. Я живу как хочу, делаю что хочу, встречаюсь с кем хочу, понял? И ты ничего не изменишь. Денег не дашь? Обойдусь. Чего зря базарить?

– Ну наглец, ну негодай, – чуть не задохнулся от возмущения Григорий Максимович, – вот свинья неблагодарная. За мой счет живет и меня же еще и посылает.

– Я тебя еще не посылал.

– Ну ладно, хорошо, без денег ты обойдешься? Отлично. Больше от меня ты не получишь ни копейки, посмотрю, как ты вскоре запоешь.

– Смотри сколько хочешь. – Костя зашел к себе в комнату, включил магнитофон, чтобы не слышать продолжающихся причитаний отчима.

«Вот тоже домотался. Видать, хорошо ему стуканули на меня, раз так разошелся. Денег он не даст. Испугал». На сегодня у Кости осталось три сотни, о дальнейшем думать не хотелось. Если что, мать выручит.

Так под размышления о насущном, под аккомпанемент инструментальной музыки и пробивающегося недовольного ворчания отчима Костя уснул.

И снились ему зеленое бескрайнее поле, полное цветов, и Лена, с которой он кружится в танце и ловит ее веселый, счастливый смех.

Вечером, ровно в 19.00, они встретились. Затем долго бродили среди древних строений Кремля, и Косте все больше нравилась эта девушка, да и Лена посмотрела на юношу другими глазами.

С этого дня они стали встречаться каждый свободный вечер. Костя почти перестал пить, общение с Эдиком свелось к редким телефонным звонкам.

Все больше длинными ночами он анализировал свою короткую жизнь и признавал ее неправильной и пустой. И хотя мать ежедневно выделяла ему средства, брать их становилось стыдно. Но он брал, оправдывая себя мыслью, что поступит в университет, получит образование и тогда сам сможет зарабатывать и помогать матери.

Все так и продолжалось бы, если бы не нелепый случай, изменивший судьбу Константина и Лены.

Однажды поздно вечером, возвращаясь с прогулки, они проходили мимо цветочных ларьков, выстроившихся возле отеля.

Торговали в них по большей части выходцы с Кавказа.

Заметив, как Лена посмотрела на цветы, Костя подошел к одному из ларьков, в окошке которого красовалась усатая физиономия. Вокруг ларьков стоял плотный запах дыма анаши.

– Сделай-ка мне букетик, – попросил Костя.

– Конечно, дорогой, какой хочешь? Есть гвоздик, роза тоже есть, выбирай, да?

– Лен! – обернувшись к девушке, крикнул Костя. – Ты что предпочитаешь, розы или гвоздики?

– Да не надо ничего, Кость.

– И все же?

– Розы.

– Давай розы, вон, как тот букет, с папоротником.

– Какой разговор? Сейчас сделаем.

Кавказец скрылся внутри ларька – собирать букет.

Костя полез в карман за деньгами, и... о, черт! Он же надел брюки, а деньги остались в джинсах. Вот, блин, незадача.

Продавец вернулся к окошку.

– Двести рублей.

– Пойдет. Но тут такое дело, брат. Я деньги дома оставил. Так вышло, понимаешь? Ты мне дай букет, а я тебе утром с процентами заплачу, я здесь постоянно с пацанами тусуюсь, – стараясь говорить тихо, упрасивал кавказца Костя.

– Э-э? Ты что, за лоха меня держишь? За дурака считаешь? Букет надо? Плати деньги. Нет деньги, иди отсюда.

– Ну послушай, брат!

– Э! Какой я тебе брат? Сказал же – иди отсюда, – ответил продавец и смачно, зло выругался на незнакомом языке.

– Кость? – позвала Лена. Она почувствовала неладное и попросила: – Пойдем отсюда – сдались тебе эти цветы?

Но Костя уже завелся.

– Значит, не дашь в долг?

– Да иди ты.

Костя немного отошел от палатки, резко развернулся, подняв ногу, ударил по витрине ларька.

Одновременно вскрикнули и продавец, и Лена. Стекло разлетелось. Костя протянул руку и забрал приготовленный букет. Повернулся и пошел к Лене.

– Ты с ума сошел? – испуганным вопросом встретила его девушка.

– Держи цветы!

– Костя! Ты что наделал? Ой, смотри!

Он обернулся, из разбитого ларька и соседних палаток вышли четверо крепких джигитов.

Пострадавший орал:

– Этот гадина мене витрина разбил, букет забрал, деньги забрал, твар, сволач, резать буду. – В руках торговец держал большой нож.

– Костя, бежим отсюда, – тянула за рукав Лена.

Тот отстранил ее.

– Отойди и дергай домой!

– Они же убьют тебя.

– Да? – И обращаясь к кавказцу: – Что кинжал достал? Убить хочешь? Ты на чьей земле, чурбан немытый?

– А-а, билат, – бросился продавец в атаку.

Костя увернулся и встретил движение противника ногой в солнечное сплетение. Кавказец охнул, упал на тротуар, нож отлетел в сторону. Костя подобрал его. Кольцо вокруг него сжималось. Но нож в руках Кости сдерживал крепких мужчин. Парень был подвижнее, моложе и показал, что кое-что в драке умеет.

– Эй, ты, – крикнул один из кольца, – брось нож!

– Что еще?

– Ну смотри, дурак, тебе конец. Гиви, держи его, побежит – стреляй.

Только сейчас Костя увидел в руке у одного из противников пистолет. Был ли он настоящим? Разбираться возможности не было и рисковать тоже.

Тот, кто приказал, вытащил из кармана сотовый телефон, набрал номер, что-то быстро сказал и, глядя на Костю, прошипел:

– Ну сейчас ты, свинья, получишь по полной. Будешь знать, по чьей ми земле ходим.

Буквально через мгновение из-за поворота вылетел, сверкая «мигалками», милицкий «уазик». Из него выскочили трое.

– Стоять всем.

Увидев в руках Кости нож, один из милиционеров, вскинув короткоствольный автомат, приказал:

– Нож в сторону, сам на землю, быстро, руки за голову, ноги в шпагат.
Пришлось подчиниться.

Лена вышла из-за палатки, обратилась к офицеру:

– Товарищ капитан, вон у того мужчины, – она показала на Гиви, – пистолет.

– А ты кто такая?

– Она, начальник, с этим бандитом, который напал на нас.

Капитан обратился к кавказцу:

– Она правду говорит, Гиви?

– Да ты что? Первый день меня знаешь? Нет никакой пистолет, мамой клянусь.

– Вы обыщите его, – настаивала Лена.

Капитан посмотрел на нее и неожиданно приказал:

– Эту и пацана в отдел, нож как улику с собой. Я тут разберусь и приеду позже.

Лена почувствовала ужас, когда ей надели наручники. Все происходило как бы в другом измерении и не с ней. Но ее вернули в реальность, посадив в клетку «уазика», рядом с Костей, который тоже был в наручниках. Он что-то хотел сказать ободряющее девушке, но милиционер оборвал его на полуслове.

Автомобиль, продолжая мигать красно-синими огнями, включив лающую сирену, направился в отдел.

Капитан проводил взглядом служебную машину, подошел к тому, кто вызвал наряд.

– Гурам?

– Я понял, начальник.

Он достал несколько купюр, сунул их милиционеру.

– А за экстренность?

– Эх, Ваню, беспредельничать начинаешь. Тебе сколько ни дай, каждый раз просишь все больше.

– А ты другую крышу найди. За меньшие бабки.

– Конечно. Ты же сам и наедешь сразу.

– Молодец! Соображаешь. Ладно. Этого орленка мы до утра закроем, но утром, к восьми часам, чтобы от вас было заявление. Свидетелей побольше, и не только кавказцев, усек?

– Будешь пацана доить?

– А это, Гурам, уже не твоё дело.

– Конечно, не мой. Лишь бы мне не мешали, не волноваться, все сделаем.

В отделе с Лены взяли показания и как свидетеля отпустили.

Костю же завели в обширную комнату, посадили на табурет посередине.

– Сидеть ровно! – командовал молодой сержант, помахивая дубинкой.

Милиционер исполнял роль конвоира или надзирателя и находился здесь как подручный, чтобы по сигналу опера помочь «дубинатором» задержанному говорить то, что надо. Но опера пока не было, и сержант упивался собственной значимостью.

– Попал, тварь?

– Послушай...

– Заткни пасть, ублюдок. Разговариваю здесь только я. Подожди, сейчас ты у нас запоешь, гадина. Это тебе я говорю. Не таких видали. Так что сиди ровно и готовься.

Вошел капитан, проводивший задержание. Сел напротив, смотря Косте прямо в глаза узкими бесцветными глазками.

– Фамилия?

– Ветров.

– Имя, отчество?

– Константин Сергеевич.

– Приводы были?

– Были.

– Даже так? Замечательно. За что попадал к нам?

– Мелкое хулиганство. Так в протоколах писалось.

– А сейчас, значит, на разбой пошел?

– Какой разбой? Их было четверо, я – один.

– Но ты был вооружен.

– Нож не мой.

– Конечно. Как же иначе?

– Я у этого черта в ларьке букет цветов хотел купить, а деньги оставил дома. Ну и попросил займы. Отдал бы утром с процентами. А он погнал на меня, как будто это я в его Чуркестане торгую, а не он здесь. Ну я погорячился. Разбил стекло. Продавец вылетел с ножом и на меня, я нож-то выбил, а они из всех ларьков поперли, вот и подобрал нож для обороны.

– Это твоя версия. Посмотрим, что завтра напишут потерпевшие.

– Вы хотите задержать меня?

– Ты уже задержан.

– А девушка?

– Ее отпустили.

– Товарищ капитан, может, отпустите? Я подписку дам. А с утра, обещаю, буду здесь как штык.

– Сержант, выйди! – приказал капитан конвоиру. Тот вышел. – Ты что, придираешься или на самом деле не понимаешь, что попал серьезно? А может, ты таким способом решил от армии закосить? Подумал – разобью витрину, милиция заведет дело, а сейчас начинается призыв. Военкомат проверит, что есть претензии со стороны правоохранительных органов, и даст отсрочку, а?

– Ничего подобного я не думал.

– А зря, думать всегда надо. Особенно сейчас, в твоём положении. Разбой – дело нешуточное, и срок получить ты можешь легко.

– Но ведь не было никакого разбоя?!

– Если бы так. Пойми, я не из тех, кто стремится посадить человека, было б за что. Нет. И прекрасно понимаю, что ради девочки ты затеял эту бучу. И готов помочь тебе, но, чтобы сделать это, мне нужна поддержка.

– Что надо сделать?

Капитан что-то написал в своем блокноте, подошел к Косте и показал страницу, на которой красовалась сумма – 1000\$.

– Как ты, Ветров, думаешь, за тебя может кто-нибудь поручиться?

– Позвонить можно?

– Куда и кому?

– Домой, родителям.

– Звони.

Капитан передал сотовый телефон.

– Только знаешь, капитан, – перейдя на «ты», сказал Костя, – хочу тебя предупредить, как бы ты не подавился со своим аппетитом.

– Что-о? Ты что там твякнул, придурок? – капитан схватил Костю за подбородок, подтянул к своим бесцветным глазам. – Ну-ка повтори, мразь?

– Повторить? Ты про Бергера слышал?

В глазах у капитана мелькнуло недоумение. Знал ли он заместителя главы администрации города? Лично нет, но наслышан был. Бергер в городе слыл фигурой значительной, хоть

внешне незаметной. Его называли «серым кардиналом», и славился он своими связями. Бергер был из тех людей, с которыми нужно либо дружить, либо не знать вообще.

– При чем здесь Бергер?

– Он мой отчим. Ему я и собираюсь звонить. Что будет дальше, не знаю, захочет ли он поручиться за меня? Не уверен, мы сейчас с ним в сложных отношениях. Но вот как отнесется к тебе? Представить нетрудно. Да и кавказцам твоим грозят большие неприятности, это точно. Если, конечно, я расскажу про вашу дружбу. Ну что? Звонить? Чего замялся?

Капитан понял, что попал в капкан. Если этот пацан действительно сын Бергера, пусть и приемный, то это очень серьезно. Черт бы побрал этого сопляка.

Но что делать?

– Капитан! Отпусти меня, и никто ничего не узнает. Что проще? Своих чурбанов предупреди – и дело в шляпе.

Капитан почувствовал облегчение. Это был выход. Уничтожить протокол – словно и не было ничего. Но скрыть задержание не удалось.

Неожиданно в отдел прибыл недавно назначенный начальник. Полковник решил проверить несение службы своими подчиненными. На входе, у дежурного, он спросил:

– Почему на втором этаже горит свет?

– Там, товарищ полковник, в двенадцатой комнате капитан Дианов с задержанным.

– В это время? Ночной допрос? Интересно.

Поднявшись на второй этаж, он зашел в комнату, успев уловить фамилию Бергер.

Капитан при виде начальника подал команду «Встать!» и вытянулся сам.

– Садитесь. Что за дела, капитан? Почему вы держите задержанного ночью здесь, а не в камере предварительного заключения?

– Да вот недавно задержали, товарищ полковник, хотел по свежим следам разобраться.

Полковник взял протокол задержания, прочел.

– Не понимаю, что здесь неясного.

– В протоколе допущена неточность, парень, получается, не виноват, его спровоцировали торговцы.

– А почему в вашем диалоге прозвучала фамилия Бергер?

Капитан молчал. Ответил Костя:

– Он мой отчим.

– Вот как? Вы сообщили домой, что находитесь в милиции?

– Нет.

– Почему? Вам не предоставили такую возможность? – спросил полковник, глядя на капитана.

– Я просто не подумал об этом, – ответил Константин.

– Дианов! Какое вы принимаете решение по задержанному?

– Отпускать парня надо. А с торговцами я разберусь.

– В таком случае доставьте его домой. Извинитесь. В 10.00 по этому вопросу с докладом ко мне. Все! Выполняйте.

При этом протокол задержания полковник положил во внутренний карман своего кителя.

Костя вышел из отдела. Сейчас должны подогнать «дежурку», его привезут домой, и начнутся разборки. То-то взбесится отчим! Костя оглянулся по сторонам и... увидел Лену.

Промокшая, она ждала его.

Костя бросился к ней. Обнял. Лена плакала.

– Ну что ты? Все нормально.

– Какой ты дурак все же.

– Что ж поделать?

- Видимо, придется принимать тебя таким, какой ты есть.
- Значат ли твои слова, что ты...
- Не спрашивай ни о чем. Стала бы я ждать тебя, если бы ты был мне безразличен.
- Лена! – Костя приподнял ее и закружил.
- Отпусти, Кость, ну что ты на самом деле, на нас же смотрят?

Стоящий на входе постовой милиционер внимательно наблюдал за ними, сохраняя вид невозмутимый и равнодушный.

– Слушай, Лен, поехали на одну хату, там сейчас никто не живет. А? Поедем? Ну что мы, дети, что ли? Ведь я же чувствую, как ты дрожишь.

- Это от холода.
- Нет, Лен, не от холода. Поедем?

Дежурная машина подъехала, когда Кости уже и след простыл. Водитель вышел из автомобиля, осмотрелся. Никого, даже постового. Пожал плечами и вернул «Волгу» в гараж.

Эта ночь была великолепна.

Когда в едином порыве соединились два тела, два любящих сердца, окружающий мир перестал для них существовать. Волшебное наслаждение пронзало Лену и Костю, вызывая острые, ранее неведомые ощущения близости...

Уставшие, расслабленные, Костя с Леной лежали, нежно обнявшись. Говорить не хотелось. Каждый находился еще под впечатлением испытанного счастья.

По стеклу мелкой дробью барабанил дождь, и они слушали эту музыку. Умиротворяющую мелодию осеннего дождя.

Убаюкиваемые этой мелодией, Костя и Лена постепенно погрузились в сладкий сон.

Утром, проводив девушку до дома, Костя долго не отпускал ее.

- Лен? Тебе точно ничего не будет дома?
- Не будет, Кость, не волнуйся.
- А то я зайду и все решу сам.
- Знаю я, как ты решаешь проблемы, лучше уж скажу, что заменяла подругу на работе.

Мои особо интересоваться не будут.

- Почему?
- Давай об этом не будем.

Костя увидел, как помрачнела Лена, и прижал ее к груди.

- Скоро все изменится, Ленуль. Мы будем вместе и ни от кого не зависимы.
- Ладно, отпусти, мне пора.

Костя провожал Лену взглядом. Она обернулась, махнула рукой, зашла в подъезд.

Костя направился домой. Он был по-настоящему счастлив.

* * *

Вернулся Константин часам к десяти, и дома его ждало то, что он даже предположить не мог.

На месте оказались и отчим, и мать. По их настроению можно было догадаться, что Костю ожидал непростой разговор.

Он разделся, прошел в зал.

- В этом доме что, мента похоронили? – решил начать Костя шуткою.
- Шуткуешь все? – голос отчима был грозен. – Играешься, детина?
- А в чем, собственно, дело?
- Ты еще спрашиваешь? Ты где был ночью, сукин сын?
- Ты, отчим, думай, перед тем как что-то сказать.
- Нет, ты слышишь, Анна? Он еще и огрызается.

– Костя, – сказала Анна Сергеевна, – папа спросил тебя. Будь любезен дать ответ. И не называй его отчимом.

– Пожалуйста. Мне скрывать нечего. Ночь я провел на кичмане.

– Где?

– Ну в ментовке. На кичмане.

– Что за сленг?

– Нормальный сленг, сейчас все так выражаются.

– И как же ты попал туда? – спросил на этот раз отчим.

– Слушай! Если ты завел этот разговор, то все уже знаешь. Зачем перетирать перетертое? Тебе полковник наверняка все по полочкам разложил.

– Костя, – вновь вступила в разговор Анна Сергеевна, – у папы из-за тебя большие неприятности.

– При чем здесь он? Ну при чем? Мы разные люди. У него свои дела, у меня – свои.

– А при том, – перешел на крик Григорий Максимович, – что мне сам губернатор поутру мораль читал, тыча протокол твоего задержания. И спрашивал – как это мы можем руководить городом, если в собственной семье порядка навести не можем? Понимаешь, что это значит?

Костя промолчал.

– Сколько можно прикрываться мной? Раньше еще можно было как-то терпеть твои «шалости». А сейчас ты совсем обнаглел. Моим именем шантажируешь сотрудников милиции? Ты что, все мозги пропил?

– Мам! Огради меня от оскорблений.

– Мама? – взорвался отчим. – Что мама? Теперь тебе никакая мама не поможет. Вот повестка в военкомат. Завтра в 10.00 быть на призывной комиссии. И вперед, в войска. Понял?

– Никуда я не пойду.

– Пойдешь. Еще как пойдешь. Не захочешь сам – милиция оттащит, будь уверен, я позабочусь об этом.

Костя никак не ожидал такого поворота. Идти в армию и раньше не входило в его планы, тем более теперь, когда он встретил и полюбил Лену. Но отчим от своего не отступит, это было видно. Чтобы репутацию свою сохранить, не отступит. Придется подчиниться, иного выхода просто нет. Не умолять же его!

– Не надо куда меня тащить. В армию? Черт с тобой. Пойду служить, в конце концов это лучше, чем жить с тобой под одной крышей. Давай повестку.

Костя забрал повестку, прошел к себе в комнату.

Он услышал, как захлопнулась входная дверь. Отчим ушел.

Костя вышел в зал, взял телефон, набрал номер. Трубку сняла Лена.

– Алло!

– Ленуль, это я.

– Я поняла.

– Нам нужно встретиться, срочно.

– Хорошо. Я буду в больнице через полчаса.

«Конспираторша», – подумал Костя. Сделала вид, что ее вызывают на работу. Но и ему надо поторопиться.

Костя вышел из дома, поймал такси и направил его к кардиологическому центру. Там они и встретились.

Разговор прошел трудно. Лена была убита новостью. Костя как мог успокаивал ее.

– Ты только жди меня, Лен.

– Мог бы и не говорить об этом. Как узнаешь, когда тебя отправляют, позвони обязательно, мне завтра на дежурство, вот номер отделения. Я провожу тебя. И не отговаривай меня. Господи, но как же это, почему так внезапно?

Наступил день призыва. Лена простояла возле здания военкомата под пронизывающим, иногда смешивающимся с дождем ветром почти полдня. Костя находился внутри здания. На часах было уже 14.00, когда репродуктор наконец начал озвучивать фамилии призывников, сообщая далее номера команд, к которым те были приписаны, откуда, куда и во сколько будет производиться отправление к местам несения службы. Среди прочих назван был и Костя. Его команда должна быть отправлена с железнодорожного вокзала через пять часов. Конечной станцией назывался поселок N, который ни о чем Лене не говорил, она не имела ни малейшего представления, где этот поселок мог бы находиться.

Пять часов! Но это до отправления. Значит, выйдут они как минимум на час раньше, чтобы добраться до вокзала. Еще четыре часа. Может, ей съездить домой, переодеться? Девушка порядком озябла. Но тут же отогнала эту мысль. А вдруг что изменится? Там, в военкомате. И Костю отправят раньше?

Или он сможет отпроситься и выйти, а ее не будет? Нет! Нужно ждать. Лена подняла воротничок легкой куртки, тяжело вздохнула и осталась стоять на месте, среди берез, которых тут, перед зданием, было много, и росли они, выстроенные, словно по команде, абсолютно ровными армейскими рядами.

Их команда задержалась в военкомате, и на вокзал они, человек сорок с сопровождением, добирались бегом. Поэтому времени на прощание с родными практически не осталось. Состав подошел с небольшим опозданием, и стоянку сократили до десяти минут, которых хватило лишь на посадку. Косте удалось на бегу попрощаться с Леной. И это вызывало ноющую боль в груди. Как будто скомканные провода могли как-то предопределить их дальнейшую судьбу.

Сержанты, их было двое, под командованием офицера распределили призывников по местам, разделив команду почти поровну. Первая группа должна была выйти рано утром, другой же, в которую входил Костя, предстояло ехать еще полдня. После этого они ушли в передний отсек, и весь личный состав, как отныне именовались вчерашние пацаны, был предоставлен самому себе. Где-то затренькала гитара, и хрипловатый голос, явно подражая кому-то, затянул грустную песню о неразделенной любви афганца-калеки. Тут и там из сумок и пакетов на столы стали вываливаться продукты, которыми призывников укомплектовали родные. Появились и бутылки. С самогоном, водкой, пивом.

Эти приготовления обещали ночь веселую, но бессонную. Сосед Кости достал сумку.

– Угощайся, братан!

Костя тоже выставил объемный пакет.

– Давай вместе.

– У тебя пожрать есть? У меня припасен пузырь водяры.

– У меня тоже.

– Пойдет, литра на двоих хватит.

– Вполне.

– А ты, видать, не из работяг. Вон на тебе какой прикид. В таком и в армию? Отымут же?

– Черт с ним. Познакомимся?

– Колян.

– Костя.

– Ну че, Кость, – предложил Колян, – вздрогнем по одной?

Выпили, поговорили. Потом Колян прошел в тамбур покурить.

Костя взял пирожок. «Неужели весь вагон будет пить?» – подумал он, видя, как во всех отсеках стали мелькать кружки, стаканы, предвещая пьянку грандиозную. Но предположе-

ние его не подтвердилось. Сержанты, словно опытные охотники, появились как раз в тот момент, когда бутылки были выставлены на столики. Они прошли по вагону, сметая на своем пути почти все спиртное.

Возразить призывники в большинстве своем не посмели, так как понимали, что любое неповиновение сейчас может в дальнейшем отразиться на их службе. Сержанты подтвердили эти опасения, когда кто-то все же пытался воспротивиться наглой экспроприации. Конечно, не все они изъяли, но угрозу всеобщей, неуправляемой пьянки предотвратили.

После того как сержанты вернулись в свой отсек с полными десантными сумками, оттуда вышел лейтенант.

Он был молод, может, года на три-четыре старше тех, кого сопровождал. И немного пьян. Примерно в той же степени, что и остальные.

Офицер прошел на середину вагона.

– А ну, внимание в отсеках! – начал он. – Всем повернуть свои черепа на меня и внимательно слушать. – Дождавшись, пока молодежь притихла, продолжил: – Итак! Вы все должны усвоить, что находитесь на службе в Вооруженных силах. А что это значит? А это значит, что ни одна персона из числа личного состава не имеет права даже чихнуть без разрешения. Понятно? Далее. Всем в течение десяти минут закончить ужин – и по полкам. Через пятнадцать минут все движения по вагону прекратить. В туалет или к месту курения в тамбуре ходить по одному и только с разрешения дежурного сержанта. В каждом отсеке будет назначен старший. Он же выполняет функции дневального, которые ему будут разъяснены тем же сержантом. И, предупреждаю, от вашего поведения зависит многое. Те, кто выходит утром, не тешьте себя надеждой, что можете игнорировать мои требования и борзеть. Обо всем я доложу тем офицерам, которые вас будут встречать. Вопросы?

– Товарищ лейтенант! А если будет, к примеру, невтерпех, ну я имею в виду в сортир? А очередь прошла?

– Иди сюда, диарейный!

Из среднего отсека вышел молодой парень с большими удивленными глазами.

– Фамилия?

– Моя? Марков, товарищ лейтенант.

– Чтобы, Марков, случайно не обделаться, назначаю тебя до нуля часов бессменным дневальным по туалету и тамбуру. Сержант объяснит твои обязанности и права. Еще у кого будут вопросы? Нет вопросов? И правильно. В армии лучше не задавать много вопросов, чтобы не осложнить себе жизнь, – это мой совет вам. А это что за чучело? – спросил лейтенант, смотря на Коляна, который некстати появился в проходе.

Взоры призывников устремились на того, кого называли «чучелом».

– А че такое? – непонимающе спросил Колян.

– Иди сюда! Ты что, дефективный?

– Нет, а че?

– Фамилия?

– Горшков.

– Ты где шлялся, Горшков?

– На «очко» ходил, а че?

– Ты придураешься, – не выдержал лейтенант, – или по жизни дурак?

– Нет.

– Что нет?

– А ничего нет, – взъерошился Колян.

– Понятно. Ты в какой команде, Горшков? Во второй? Значит, нашей части повезло с тобой. Еще одним «промахом» будет больше.

Николай совершенно ничего не понимал. Он стоял перед офицером и озирался по сторонам. Но сочувствия и поддержки не находил, а вызывал только смех своим «а че». Костя решил помочь своему соседу.

– Товарищ лейтенант! Он просто ходил в сортир и не мог слышать ваших распоряжений, поэтому и не въезжает, что происходит.

– Это кто такой умный в адвокаты решил поиграть?

– Я. – Костя вышел в проход. – Фамилия Ветров.

– Персонально для тебя, Ветров. – Лейтенант пальцем указал на Костю. – В армии есть правило – каждый отвечает за себя. И чтобы ты, Ветров, сразу это усвоил, с нуля часов сменишь Маркова на почетном посту у туалета. Ну а ты, Горшков, в три часа, соответственно, сменишь своего защитника. Понял?

– А че не понять-то?

– Ну и хорошо, иди на место. – И обращаясь ко всем: – Ну все! Всем, как я надеюсь, все ясно. Значит, время пошло. Чтобы через десять минут на столах было пусто и чисто, а ваши тела находились в горизонтальном положении. Выполнять!

Лейтенант прошел несколько отсеков, вызвал парня с гитарой:

– Ты, – ткнул он гитариста пальцем в грудь, – следуй за мной.

Вскоре из первого отсека зазвучала гитара и парень хрипловатым голосом запел грустные песни. Лейтенант расслаблялся.

Присев на свое место, Колян спросил:

– Кость? А че этот чухан в погонах домотался до нас?

– Работа у него такая.

– Это понятно. А че он хотел-то?

– Показать, что в армии не принято задавать вопросов.

– Ладно. Водку не шмонали?

– Было. Мою забрали, твою, начатую, – нет.

– Козлы! Надо выжрать, пока остатки не отняли.

Колян разлил спиртное, и они допили водку, быстро перекусили, и Николай взобрался на верхнюю полку.

– Кость? А че летеха говорил про три часа?

– Сменишь меня.

– Где?

– На посту у туалета.

– Зачем?

– Да спи ты, я разбужу тебя в три и все объясню.

Скоро он захрапел. Прилег и Костя. Как это ни странно, но наступило какое-то успокоение. Не хотелось ничего, даже думать.

А поезд держал ход, унося Костю все дальше и дальше от дома, от любимой, к неизвестной жизни, возможно, к тяжелым и опасным испытаниям, которыми так богата армейская служба.

* * *

Старший лейтенант Доронин с утра чувствовал себя неважно. Сказывалась ночь, которую они с Чирковым провели, расписывая «тысячу», и пара бутылок водки, раздавленная по ходу игры. Александр стал замечать в себе некоторые перемены. Если раньше выпитое накануне никаких последствий не вызывало, то с некоторого времени утреннее самочувствие ухудшилось и появилось желание, даже потребность, слегка похмелиться. Он знал, что это симптомы алкоголизма, но ничего поделать не мог. Да и не хотел. Выпивать прихо-

дилось почти каждый вечер, за исключением, пожалуй, времени несения службы в наряде. Одиночество, которое ждало офицера дома, провоцировало эти частые, порой неумеренные пьянки.

Вот и сейчас, подходя к КПП, Доронин думал о том, как облегчить свое состояние, вернее, когда сделать это? До развода или позже? На построении Куделин под любым предлогом стремится обойти строй офицеров и выявить тех, от кого несет перегаром, чтобы, занеся в записную книжечку, при случае напомнить где надо о вопиющем факте. Поэтому Александр и размышлял, стоит ли давать замполиту еще один козырь против себя.

Но на входе в часть Доронина уже ждал Чирков.

– Сань, ну ты и спать горазд. Я тебя уже полчаса жду.

– А ты что, вообще не спал?

– Какой там сон? Благоверная такой разнос устроила. Пришел-то я домой в четвертом часу.

– Да, засиделись мы. Ну и чем дело кончилось?

– А ну ее. Что об этом говорить? Пойдем лучше по пивку вдарим?

– А развод?

– Какой развод в воскресенье?

– Куделин вчера объявлял о построении.

– Пошел он, этот Куделин. Пусть своих поджопников строит. Командир ничего не говорил? Нет. Ну и все. А Куделин? Шел бы он, этот Куделин.

– Ты чего завелся?

– Нет, ты идешь или будешь и дальше Муму травить?

– Пошли.

– Вот это другое дело, а то Куделин, Куделин, да кто он есть-то по большому счету? Замполит. Этим все сказано.

Так под возмущенные реплики Чиркова друзья направились к ближайшей коммерческой палатке, где они хорошо знали продавца и где их так же хорошо знали как постоянных клиентов и даже отпускали спиртное в долг. На этот раз за окошком оказался не тот парень, с которым у них было давно налажено взаимопонимание, а молодая и симпатичная незнакомая девушка.

– Вот так сюрприз! – воскликнул Чирков. – Сань, ты смотри, какая принцесса сейчас нас обслужит. Вы, как я понимаю, – обратился он к девушке, – новенькая?

– Да, а что?

– Да нет, ничего. Просто такое прелестное создание и в каком-то комке? Здесь ли ваше место, красавица?

– А вы считаете, что красавица может прожить без денег? Не зарабатывая себе на жизнь?

– Конечно! У принцессы обязательно должен быть принц, который обеспечивал бы ее и лелеял.

– Может быть, хватит, ребята? Что будете брать?

– Пару баночек «Баварии». А принца-то, как я понимаю, у принцессы нет?

– Пожалуйста – ваше пиво.

– Значит, нет, – сделал вывод Чирков. – Могу порекомендовать, девушка, своего друга. Сань, покажись. Ну чем не принц? Кстати, из дворян, голубых кровей, так сказать.

– И давно офицеры, да еще дворяне, пьют по утрам пиво, как алкаши?

– Правильно замечено, Кать. – Чирков увидел на визитке имя девушки. – Обычно мы пьем шампанское, но, знаете, однообразие надоедает, вот иногда и позволяем себе изменить привычке.

– Володь, хватит болтать. У нее же работа.

– Вот тебе на. Я его, понимаешь ли, расписываю таким гусаром, а он еще и брыкается. Нет, вы посмотрите на него, Катя, не иначе мой друг в смущении? А, Сань? – Чирков плечом подтолкнул Александра.

– Пойдем, в часть пора, – действительно непонятно отчего смутившись, поторопил друга Доронин.

Девушка проводила взглядом офицеров.

– Володь! Ну что ты представление устроил?

– Тебе не понравилась девушка?

– Да какая разница – понравилась, не понравилась, может, у нее парень есть или, вообще, муж.

– Парень, муж, – передразнил Чирков. – Ты на службе этой совсем умом тронулся. Кроме казармы да «чипка» ничего не видишь. Какой муж? Ты обратил внимание на ее взгляд? Нет? Ну конечно. А я обратил и говорю тебе, на все сто, что никого у нее нет. Ее взгляд, Сань, ищет, понимаешь? Изучает и, если хочешь, желает быть увиденным и понятым.

– Ну напле. Откуда ты-то знаешь? Можно подумать, что, кроме казармы и «чипка», ты еще что-то видишь в отличие от меня.

– Конечно, вижу. У меня же жена молодая, Сань, и к тому же психолог по образованию. Только, надо признать, психолог из нее довольно неважный.

– Что так?

– Рассуди сам. Ты думаешь, она поверила, что я ночью с тобой в карты играл и жрал водку? Ничего подобного. В ее понятия такой расклад не укладывается. Обязательно я провел ночь в кабаке и обязательно с бабой. И хоть кол ей на голове теши. Говорю: «Дашенька, никакого кабака не было, да и где я на него денег-то, в конце концов, возьму? Тем более не было женщины – ты у меня одна-единственная, а пришел поздно потому, что игра затянулась». Она мне в ответ, знаешь что? «Если бы я была у тебя единственная, как говоришь, то не шлялся бы по ночам с друзьями, а летел бы на крыльях любви домой, к своей единственной». Икара тоже нашла.

– А что? Логично.

– Не спорю. Но не в этом главное. Вот ты в свое время после службы только домой, к своей ненаглядной. А она? Помахала дяде ручкой, и вся любовь. Извини, конечно.

– Ты, Вова, наши отношения никогда не поймешь, если мы сами их не поняли.

– Ладно, хорош об этом. На самом деле, базар какой-то гнилой пошел. Но о Кате – девушке из киоска – подумай. Мужик ты видный, не будешь же бирюком всю оставшуюся жизнь? Да и какая это жизнь без семьи? Поругаться – снять стресс – и то не с кем. При нашей-то работе чердак снесет быстро и бесповоротно. Подумай, обещаешь?

– Обещаю, Вов, обещаю.

– Вот это другое дело. Оп-па! Построение. Пошли вокруг штаба, – увидев, что на плацу построены офицеры, сказал Чирков. Свернув на аллею, друзья обошли плац и разошлись по своим подразделениям.

* * *

Пассажирский поезд прибыл в поселок N в 11.30, почти по расписанию. На вокзале команду призывников встречала группа офицеров во главе с заместителем командира части майором Куделиным. Первым из вагона вышел лейтенант Панкратов – старший команды. Он четко доложил Куделину о том, что группа из двадцати двух человек к месту несения службы доставлена, происшествий в пути следования не было.

– Хорошо, Дима. Давай выводил свою команду и передай капитану Артамонову, сам ко мне – доложишь подробнее.

Выполнив требование Куделина, Панкратов снова подошел к нему.

– Обрисуй, Дим, что за орлов привез?

– В общем, товарищ майор, народ нормальный. Не идеальный, конечно, контингент, но вполне терпимый. Могло быть и хуже.

– Как вели себя в дороге?

– Попытались сначала организовать пьянку, но вы меня знаете – пресек на корню. Да и сержанты молодцы – помогли.

– Водку изъял?

– Так точно. Как положено. Все в сумке у сержанта Орлова.

– Хорошо. В части разобьем у них на глазах, для профилактики, так сказать. С наркотиками был кто замечен?

– Травку не курили – точно. Сам проверял. А насчет другого – посмотрим, что оставят после себя в вагоне. Но, по-моему, внешне, по крайней мере, ничего о наркоте не говорит.

– Ну и ладненько. Себе-то отобрал людей?

– Так у меня ротный будет сам подбирать.

– Ну-ну, не прикидывайся. Прекрасно же знаешь, что ты у меня первоочередный кандидат на роту. И даже на какую, не так?

– Товарищ майор, что я могу сказать? Доверите – не пожалеете, но Доронина еще снять надо. За него командир стоит.

– Снимем, Дим, снимем. И не только Доронина. Неужели ты думаешь, что я потерплю открытый себе вызов? Никогда. А Смирнову расти надо, не все же ему частью командовать? Ну ты понял меня. Только смотри не болтай лишнего – себе хуже сделаешь.

– Товарищ майор! Об этом могли бы и не говорить. Что я, враг себе? Да, чуть не забыл. Я во время командировки домой наведалься на денек. Говорил с отцом, в том числе о вас, о вашей поддержке. Он был очень доволен, говорил, что надо помогать друг другу.

Куделин сделал вид, что сказанное лейтенантом никак на него не подействовало, но чувствовалось, что услышанное ему приятно.

– Будем, Дим, помогать. Иначе нельзя. Кстати, я настоял на представлении тебя к досрочному присвоению очередного воинского звания. Так что готовь дырочки на погонах.

– Спасибо, товарищ майор!

– Не за что. Я своих людей, Дима, никогда не бросаю и продвигаю по мере возможностей. А их, возможностей, у меня хватает. Учти это.

– Обязательно учту, товарищ майор!

– Вот и прекрасно. Иди проверь вагон и выходи на площадь. Поедешь со мной.

Команду молодого пополнения вывели из вагона, построили в колонну по двое и под командованием строгого капитана повели на привокзальную площадь, где их ждали две крытые машины. Пополнение подвели к задним, открытым бортам. Капитан профессионально развел команду на две равные группы, объяснил, что посадка осуществляется по командам «К машинам!» и «По местам!». После чего личный состав молодого пополнения впервые отработал норматив по посадке в автомобиль. Костя с Николаем оказались вновь рядом, на одной скамейке у кабины. Машины тронулись, и пацаны через небольшой квадрат заднего борта пытались рассмотреть, что собой представляет поселок N, но видели лишь капот следующей за ними машины. Примерно через час автомобили подъехали к КПП. Капитан вышел из кабины и подал команду «К машине!». Приказ был выполнен, и вновь построенное по двое молодое пополнение пошагало через открытые ворота контрольно-пропускного пункта на территорию части, где им предстояло провести два года жизни.

Все вокруг было непривычно чисто и ухоженно. Кустарник вдоль дороги, по которой они шли, аккуратно подстрижен. Бордюры и нижние части стволов деревьев побелены, да и сам асфальт блестел, словно его специально мыли с порошком. Да так оно и было.

– Смотри, Кость, порядок какой. – Колян был явно удивлен. – Кусты подстригли, и трава вон везде скошена. Наверное, за порядком здесь следят. Да, чую, попали мы.

– Что тебе не нравится?

– Все нормально, только этот порядок кто-то должен постоянно наводить, а кого, как не нас, запрягут поддерживать эту красоту? Вот то-то. Мне братан говорил – он в стройбате служил, – нет хуже, если в части порядок. Лучше дедовщина дремучая, чем беспредельная уставщина. А нам, чую, подфартило. Мало того, что офицерье – чуханы, сержанты – волки, так еще и уставщина. Кранты нам, Кость, как пить дать.

– Да не скули ты!

– А ну отставить разговорчики в строю, – приказал капитан, – разговорились, мать вашу. Еще слово услышу – на полусогнутых поковыляете.

– Видишь? – уже шепотом проговорил Колян. – Я же говорю, чуханы. Им бы только поизгаляться.

Видимо, шепот его на фоне общего молчания все же был услышан.

Капитан резко остановился.

– Группа, стой!

Колян по инерции врезался в парня перед собой, создав небольшую свалку.

– Напра-во! – скомандовал офицер. Затем он подошел к середине строя и остановился напротив Коляна. – В чем дело, боец? – обратился он к Николаю. Тот только моргал глазами. – Тебе что, мои команды по одному месту? А? – Колян съехал под грозным взглядом офицера. – Язык проглотил? Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Больше не буду, товарищ старший лейтенант.

– Нет, вы только посмотрите на этого чудака с буквы «М». Он уже и разжаловал меня. Ты в себе, парень?

Колян набычился и молчал.

– Фамилия?

– Горшков, – пробурчал Коля.

– Надо запомнить, а то попадешь еще ко мне. С таким, как ты, я точно старшим лейтенантом стану. А ну смотри в глаза!

Николай поднял голову.

– Специально для тебя, Горшков, повторяю еще раз – в строю не разговаривают, а только выполняют команды, понял?

– Угу!

– Да не угу, Горшков, а так точно.

– Так точно!

– Вот так-то лучше. И заруби себе на носу, что ты теперь в войсках, а не у мамы под подолом. Здесь с тобой долго разговаривать не будут. Так что под дурака косить не советую. Учти, Горшков!

После этой воспитательной паузы строй продолжил движение и через несколько минут остановился у красивого здания – клуба воинской части.

– Внимание, группа! Сейчас можно перекурить. Далеко не разбредаться, быть в готовности к построению. Ясно? Да куда ты, чудик? – осадил капитан одного из второй шеренги, который по-своему понял слова капитана и вывалился из строя. – Встань, где стоял. Вот так. Еще раз говорю для всех – все действия начинаются и заканчиваются только после команды старшего. Разойдись!

Строй рассыпался, и тут же почти все задымили. Офицер предупредил:

– Окурки бросать только в урну и курить возле нее. Найду после вас хоть один бычок, языком заставлю территорию вылизать.

– Видал, Кость? – жаловался на судьбу Колян. – Ну че такая непруха? Сначала один прицепился, теперь вот другой. Что я им всем дорогу, что ли, перешел? И это офицерье, а еще потом деды начнут. Что ж за жизнь будет? Ну попал так попал, мать твою. Свалить, что ли, отсюда, пока не поздно? Посадить не посадят – я присягу не принимал, а потом, может, в другую часть отправят, а Кость? Ты как думаешь?

– Лучше не надо. Перетерпи.

– Сказал тоже – перетерпи. Ты же видишь, я у них как бельмо на глазу?

– А куда, собственно, ты свалишь? Ни денег у тебя, ни документов. Далеко ли уйдешь?

– Тоже верно. Эх дурак я, дурак. Надо было ширнуться пару раз, так, без наркоты, чтобы только дырки были, и объявить себя на медкомиссии наркоманом. Так многие пацаны на призывной комиссии делали. И нормалек. Сидел бы щас дома. А все предки – иди, говорили, в армию, пока не спился и не сел, а там из тебя, дурака, человека сделают. Ага! Сделают. Только кого? Вот вопрос!

– Не переживай, Коль. У любого человека всегда так – то черная полоса, то белая. Пройдет все.

– Чей-то я не замечал, чтоб у меня белая полоса когда-нибудь была. Одна чернота. А с другой стороны, и в деревне оставаться что толку-то было? Пьянки да драки. Один черт, рано ли поздно посадили бы. И че мне так не фартит в жизни? Не знаю. Я, Кость, у одной бабки нашенской, деревенской – она вроде Глобы местной, – как-то спрашиваю: «Чего меня, бабуль, в жизни дальнейшей ждет?» Она смотрит так хитро и говорит: «Счастье тебе будет, большой почет будет». Я спрашиваю: «А где почет-то будет, в деревне, что ли?» Она: «Нет, бери выше – о тебе вся держава знать будет». Я опять: «С чего вдруг державе обо мне знать? Я в деревне-то никому не нужен, а ты – держава». А она знаешь что отвечает? «Сам-то ты – ничто, а вот смерть твоя громкой будет, через нее и счастье познаешь». Ну, утешила. Да на что мне такой почет, посмертный? А еще говорит – принеси, мол, десятка два яиц, иначе ничего не сбудется. Ну не дура? Понесу я ей яйца, чтоб меня потом грохнули где-то. Жди!

– Не отнес?

– Ну ты че, Кость, в натуре? Не дурак же я конченный?

– Значит, не видать тебе почета?

– А он мне и не уперся, такой почет.

– Внимание, группа! Закончить перекур! – подал команду капитан и через некоторое время: – В две шеренги становись!

Имея лишь смутные представления, как построиться в эти две шеренги, призывники заматались перед клубом.

– Отставить! Всем оставаться на местах и слушать!

Капитан достал список личного состава и стал зачитывать фамилии, обладатели которых выходили из общей массы и становились друг рядом с другом. Затем, выровняв шеренги по ранжиру, офицер объявил:

– Вот так вы должны строиться по команде «В две шеренги становись». Ясно?

Послышались ответы «да», «угу», «понятно». Капитан и здесь навел порядок:

– Повторяю, на все вопросы начальника военнотружующий отвечает: «Так точно» или «Никак нет», усвоили?

– Так точно! – вразнобой выкрикнули новобранцы.

– А ну все хором еще раз – усвоили?

– Так точно! – уже более отчетливо и в один голос ответила группа.

– Вот так. Значит, сейчас по одному заходим в клуб и располагаемся на первых рядах. С вами проведет беседу командование части. Вперед!

Личный состав зашел в клуб и разместился напротив президиума.

Капитан отошел в сторону и стал вместе со всеми ждать, поглядывая на входную дверь. Первым в зал вошел лейтенант, который сопровождал пополнение в поезде. Он нес увесистую брезентовую сумку. Изнутри нее раздавался характерный звук, издаваемый большим количеством бутылок, и бутылок не пустых.

– Кость, смотри, никак наш чухан бухалово притащил? Зачем? Не знаешь?

Николай поудобнее устроился в кресле и стал рассматривать зал.

– Внимание, группа! Встать! Смирно!

Капитан стоял посередине зала перед новобранцами, ожидая, когда командир со свитой пройдет боковой проход. Перед молодым пополнением появился подтянутый и совершенно седой офицер с двумя большими звездами на каждом погоне.

– Товарищ подполковник! Очередная группа призывников для беседы собрана. Старший группы – капитан Артамонов.

Подполковник окинул дружелюбным, но строгим взглядом пополнение, поздоровался:

– Здравствуйте, товарищи. Приветствую вас по случаю прибытия в нашу часть. Садитесь. Товарищи офицеры, прошу в президиум.

Он сам и сопровождающие заняли свои места за длинным столом на сцене.

Первым заговорил седой офицер:

– Я – подполковник Смирнов Александр Сергеевич – командир части. Это, – он указал на сидящих офицеров, – мои заместители и командир вашего подразделения на период прохождения курса молодого бойца. Знакомьтесь.

И командир перечислил офицеров, сообщая их звания, фамилии, имена, отчества и должность, которую каждый из них занимал.

– Это пока те офицеры, которых вы должны знать, ну и, естественно, своего командира взвода. Он будет вам представлен непосредственно в подразделении. Теперь я коротко расскажу о части, в которой вам выпала честь служить.

Командир кратко изложил историю части. Объяснил, что военнотружущих ждет в ближайшем будущем, сказал о «Курсе молодого бойца» и о скором принятии воинской присяги. Обратил особое внимание на необходимость соблюдения воинской дисциплины. Довел до каждого его основные права и обязанности. Затем передал слово заместителям, которые, в свою очередь, выступили в части, их касающейся. Таким образом, молодые парни получили первичные понятия о том, где они и зачем.

Выступления офицеров новобранцы восприняли довольно равнодушно. Все ждали решения участи сумки, принесенной лейтенантом. Наконец очередь дошла и до нее. Слово вновь взял майор Куделин:

– Товарищи, надеюсь, вам известно, что употребление спиртных напитков на все время прохождения срочной службы категорически запрещено? И все же вы взяли их с собой в дорогу. Вот они, в этой сумке. Чтобы раз и навсегда расставить все точки над «і» в этом вопросе, мы сейчас проведем акт уничтожения спиртного. Лейтенант Панкратов, приступайте!

Лейтенант встал из-за стола, прошел за кулисы, вернулся оттуда с ведром. Затем, взяв сумку, стал доставать бутылки. Он демонстративно показывал их залу, открывал и медленно выливал содержимое в ведро.

По залу прокатился приглушенный ропот, но никто не посмел высказать что-нибудь вслух. Ведро наполнялось – сумка худела, рос строй пустой тары. Колян не выдержал и возмущенно зашептал на ухо соседу:

– Ну не гады, Кость? Ты смотри, че делают? Взяли бы себе по-тихому, и все дела. Чего народ дразнить? И зачем столько добра переводить?

– Чтобы ты усвоил, что пить в армии нельзя.

– Да я и так это знаю. Но зачем так-то? Ни себе, ни людям.

Вылив последнюю бутылку, Панкратов посмотрел на замполита. Тот подошел к нему и обратился к залу:

– Вот так будет всегда. Найденное вино будет уничтожаться, и если вас сейчас никто не наказывает, то в дальнейшем лиц, склонных к употреблению спиртного, ждут крупные неприятности. Вплоть до суда военного трибунала, ибо от выпивки до серьезного преступления – один шаг. Запомните это. У меня все.

Встал командир части. Капитан тут же среагировал командой «Встать! Смирно!».

– Занимайтесь по распорядку, товарищ лейтенант. – Командир предоставил право командования лейтенанту Панкратову. – С баней определились?

– Так точно, товарищ подполковник! После медкомиссии сразу баня.

– Хорошо, занимайтесь.

И он, уводя за собой свиту, удалился из зала.

Личный состав вывели следом и тут же строем повели в медицинский пункт для прохождения заключительной комиссии.

Новобранцы молча и послушно обходили врачей, которые особо не утруждали себя обследованием, задавая дежурный вопрос:

– Жалобы есть? Нет? – И выносили заключение: здоров.

Доронин отослал на предварительный отбор личного состава своего старшину – прапорщика Мамедова. Тот имел острый глаз и какое-то особое чутье, позволяющее ему распознавать людей. Поэтому командир роты из призыва в призыв доверял это непростое дело своему старшине, зная, что тот подберет кого надо. Старший лейтенант сидел в канцелярии роты и составлял план работ на следующую неделю.

В коридоре раздалась команда дневального – «Дежурный по роте на выход!». Значит, пришел кто-то из своих или старшина вернулся. Тут же открылась дверь и появился прапорщик Мамедов.

– Ну, какие дела, Акиф?

– В общем, командир, посмотрел я молодежь. Есть стоящие ребята. Подобрать можно. Я вот тут набросал список, посмотри?

– Да чего мне на него смотреть? В этих делах я полностью полагаюсь на тебя.

– Командир! Мне кажется, ты не в духе?

– Что? Заметно?

– Мне – да.

– Черт его знает, Акиф. Просто сижу вот здесь и думаю, а за каким... это все?

– Что «все»? – не понял старшина.

– Да вот это все – служба, наряды, учения, нервы, в конце концов? Ради чего? Живут же другие? Торгуют, воруют и при этом живут в достатке. А мы? Чем мы их хуже, Акиф? Бросить все к едрене фене и податься в коммерсанты, на рынке шмотками торговать, а, Акиф?

– Не то говоришь, командир. Не думая говоришь. Ты просто устал. Это пройдет – ты сам знаешь. А уволиться? Уволиться сейчас легко, но как ты пацанов, которые в тебя верят, бросишь? Не представляю. Зная тебя – не представляю.

– О чем базар, военные? – В канцелярию вошел Вова Чирков. Он, как всегда, был подвижен и жизнерадостен. – Акиф? Чтой-то ты с командиром сотворил? Он же чернее тучи.

– А ты у него спроси, Володь. Захандрил, в тоску ударился твой дружок.

– Да? Так мы это мигом исправим. А ну, Сань, доставай тару. Акиф? Ты куда? Давай присоединяйся – третьим будешь.

– Да нет, Володь, у меня служба, вы уж без меня.

– А у нас, можно подумать, выходной. Смотри. Насильно мил не будешь. Пьянка – дело сугубо добровольное. У тебя, Сань, тушенка есть? И водичка? А то у меня спирт – у начальника ГСМ раздобыл. Разбавить не помешает.

– В тумбочке есть банка тушенки, а за водой дневального отправь. Хлеба вот только, по-моему, нет.

– Да кто ж тушенку с хлебом ест? Это извращение, я считаю. Дневальный! А ну-ка, боец, принеси нам графинчик свежей водицы. Сань, а с чего ты вдруг депрессняк словил? Утром вроде нормальным был?

– Не знаю, Володь. Может, это с похмелья?

– Точно! У меня взводный один, Петруха Бирюков, с утра не похмелится, считай, день пропал. Так и будет как тень из угла в угол метаться. Опрокинет стакан-другой человек, и желание работать появляется, и настроение выше крыши. Так что, судя по всему, у вас один и тот же синдром.

Чирков достал походную фляжку, увеличенную в объеме выстрелом холостого патрона, перелил половину в бутылку, смешал спирт с водой.

– Сейчас остынет немного, и в путь. Где кружки?

Доронин выставил две кружки по двести пятьдесят граммов, открыл банку с тушенкой.

– Наливай.

Володя разлил бутылку на две равные доли.

– Ну что? За тех, кто в сапогах?

– За них.

Друзья выпили.

– Фу! Тяжело пошла. – Вова фыркнул и мотнул головой. Закусив с ножа небольшим куском говядины, закурил. То же сделал и Доронин.

– Чем спирт плох, Сань, это тем, что после него сушняк страшный – полное обезвоживание организма. Пьешь потом, как верблюд.

Канцелярия постепенно, но быстро заполнилась клубами табачного дыма, создавая обстановку, соответствующую проводимому мероприятию, и настраивая на общение.

– Вот наши прапора борзеют, Сань! Вообще беспредел какой-то. На складе автослужбы движок камазовский стоял, почти новый. Я на него давно глаз положил. У меня на моем мотор на ладан дышит. Хотел через начальника службы выбить замену. В принципе, договорился и пошел сегодня на склад посмотреть комплектацию, а там... пусто. Ты понял? Спрашиваю Ашира – прапорка со склада, – кто движок забрал? Какой движок? Непонятку строит. Я говорю, ты в себе? Камазовский движок. А-а, отвечает, так нет его. Ну я это и сам вижу. Куда дел – допытываюсь. А ты, говорит, у зампотеха спроси, чего меня достаешь? А сам лыбится масляной, довольной рожей. Третью машину сменил, сидя на складе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.